

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ Вестник

международный научный журнал

6
2025

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№6 (48) / 2025

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

В оформлении обложки использовалась картина Луис Чарльз Моллер «Юридическая консультация».

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию
и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Сокольских С.Р. Юридическая наука и правовая доктрина. Юридическая наука и правовая идеология	1
Сокольских С.Р. Специально-юридические методы познания и их развитие	3
Сокольских С.Р. Соотношение юридической науки и догматической юриспруденции	5
Шутов М.А. Правовое самосознание юриста	7

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Фоменко Д.А. Меры поддержки государством института семьи: социальные программы и инициативы	10
---	-----------

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Нургалеева Ю.Р. О собственности в российском законодательстве	13
---	-----------

АРБИТРАЖНОЕ ПРАВО

Панова А.А. Досудебное примирение в системе примирительных процедур в арбитражном процессе РФ	16
---	-----------

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Аббасова В.Н. Актуальные проблемы применения норм необходимой обороны в теории и на практике	18
Лукина М.В. Дискуссионные вопросы о возможности объединения преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ, в одну статью	20
Макарова И.Е. Особенности квалификации хищения чужого имущества	22
Новикова Ю.С. Некоторые проблемы антикоррупционной политики Российской Федерации в современный период	24

Осоруев А.В. О некоторых проблемах противодействия склушутингу при проведении процедуры медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием	27
---	----

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Сокольских С.Р. Правовые и тактические аспекты проведения очной ставки в отечественном уголовно- процессуальном праве	29
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Данкоглова В.В. Несоблюдение Казахстаном международных договоров с Российской Федерацией в части определения места оказания услуг: правовой анализ и последствия	31
Самусик А.М. Компетенции европейского омбудсмента и методы осуществления его деятельности	33
Churakova E.D. Statehood of sinking island states in international law: permanent or not?	36
Churakova E.D. Analysis of international legal approaches to the disappearance of island state territories caused by climate change	38

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Юридическая наука и правовая доктрина. Юридическая наука и правовая идеология

Сокольских Софья Романовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье автор анализирует содержание таких понятий и явлений как «юридическая наука», «правовая доктрина» и «правовая идеология», а также их влияние на право в качестве основополагающих источников. Исследуется история формирования и соотношение таких понятий, их значение для современной юриспруденции. Приведены различные точки зрения на сущность и признаки обозначенных явлений, которые позволяют определить их различия.

Ключевые слова: юридическая наука, правовая доктрина, правовая идеология, правосознание, источники права.

Развитие права и правоотношений в современном обществе имеет особое значение, о чем свидетельствуют разнообразные изменения в действующее законодательство, а также рост числа научных трудов, посвященных общим правовым вопросам. Среди таких вопросов и соотношение юридической науки со смежными понятиями, в частности такими как «правовая доктрина» и «правовая идеология».

Длительное время в теории права можно было встретить труды, посвященные тождеству понятий «юридическая наука» и «правовая доктрина». Это связано с тем, что слово «доктрина» в переводе с латинского «учение», в связи с чем данные понятия отождествлялись. В настоящее время большинство ученых пришли к выводу об особом месте юридической науки и правовой доктрины.

Исследование данных понятий следует начать с того, что нужно понимать под юридической наукой. Интерес представляет позиция Н. А. Славовой, которая пишет, что «юридическая наука — это система знаний об общих закономерностях возникновения, развития и функционирования права, государства и иных государственно-правовых явлений» [5, с. 24].

Если обратиться к большой российской энциклопедии, то под юридической наукой предложат понимать отрасль общественных, гуманитарных наук, изучающая определенную сферу человеческой деятельности, связанную с правовым регулированием общественных отношений; система знаний о праве и государстве [4].

Из этих определений, которые подчеркивают особенности юридической науки, можно выделить соответствующие признаки: наличие системности знаний о праве и государстве; изучение определенной сферы человеческой деятельности и общественных отношений; теоре-

тико-прикладное освоение предмета; познание закономерной государственно-правовых явлений.

Юридическая наука имеет важное значение для общества и государства, т. к. с ее помощью формируются новые представления о правовых явлениях, устанавливаются актуальные проблемы данной сферы и формируются предложения по их решению. В целом, правовое регулирование в современном виде, с учетом издания различных нормативных правовых актов является следствием развития юридической науки.

Этому способствует и развитие правовой доктрины. В общем понимании правовая доктрина — это система идей о праве, которая сформирована в трудах ученых и практикующих юристов. В современных странах правовая доктрина рассматривается как один из источников права, благодаря которому формируются и объясняются сложные правовые понятия и явления. Для того, чтобы совокупность идей признали доктриной, необходимо добиться признания такого источника официальным. В Российской Федерации правовые доктрины разрабатываются ведущими учеными, осуществляющими свою деятельность на базе учебных заведений высшего образования. Отдельного внимания заслуживают и труды практикующих юристов, которые с учетом своей практики дополняют теорию права.

В. Д. Перевалов, исследуя особенности правовой доктрины, отметил, что «Общими чертами правовой доктрины и юриспруденции выступают базовые явления и понятия, процесс возникновения и определенная (доктринальная) часть юридических знаний. Отличить доктрину от юриспруденции можно по содержанию и объему, по времени существования. Правовая доктрина — это система научных юридических знаний, локализованная в историческом времени и пространстве,

относительно ограниченная по объему» [3, с. 46]. Исходя из этого можно заключить, что современная юридическая наука включает в себя правовую доктрину. Наравне с доктриной, юридическая наука включает юридические термины и понятия, которые зачастую определяются нормативными правовыми актами, а также разнообразные закономерности развития, правовые принципы и правила.

Полагаем, что в самом начале формирования права и правового регулирования, правовая доктрина имела большее значение в связи с чем изначально понятия «юридическая наука» и «правовая доктрина» могли рассматриваться как синонимы. В современных условиях развития общественных отношений, правовая доктрина призвана дополнять юридическую науку, что в совокупности не умаляет ее значения для теории и практики. Это также связано с тем, что в самой юридической науке могут содержаться спорные не признанные некоторыми членами общества правовые положения, в то время как в правовая доктрина имеет больший «научный вес», несмотря на то, что не всегда имеет практическое подкрепление.

Здесь же стоит уделить внимание такому понятию, как «правовая идеология», которое также представляет собой совокупность идей о праве и правовом развитии, правосознании. При наличии высокого уровня правовой идеологии у человека формирует собственное представление о праве и отношении к правовому регулированию, правовой системы за счет которой происходит воздействие на общественные отношения. В настоящее время правовая идеология имеет важное значение для общества и государства, т. к. связана с формированием правомерного поведения членов общества, единого отношения к существующей системе правового регулирования, а также обеспечивает легитимацию государственной власти.

О. Н. Гордонова отмечает: «правовая идеология многоаспектна и включает в себя не только конституционные идеи равенства и гуманизма, справедливости, социального государства, разделения властей, защиты семьи, собственности, культурных традиций и религий и т. д.,

но и жизненные установки, которые «не умещаются» в рамки формального юридического права» [1, с. 83]. На основании можно сделать вывод, что правовая идеология формируется на основании юридической науки и правовой доктрины.

Отличия от науки, идеология отражает правовую действительность, поэтому сложно дать однозначный ответ по поводу соотношения данных понятий. Так, А. М. Михайлов делает вывод, что сама по себе юридическая наука выступает в качестве особого вида правовой идеологии [2].

С указанной точкой зрения можно согласиться, т. к. ученые и практикующие юристы, которые формируют основу правовой доктрины имеют соответствующие представления о праве и правовом регулировании в обществе. Опираясь на определенные представления, идеи, теории, а также за счет анализа правовой действительности у них формируется соответствующая правовая идеология, которая передается через научные труды.

В то же время следует учитывать, что правовая идеология формируется не только из научных трудов и представлений о праве. Каждый человек анализирует нормативные правовые акты, практику их применения в своей обычной жизни, а также влияние такого применения на общественные отношения, роль и значение государства в рамках правового регулирования и т. п. В этой связи полагаем, что из всех трех рассматриваемых понятий, именно «правовая идеология» является наиболее широким.

Таким образом, исследование особенностей юридической науки, правовой доктрины, правовой идеологии можно прийти к выводу, что это взаимосвязанные понятия и правовые явления, благодаря которым происходит правовое регулирование в обществе. Можно сделать вывод, что правовая идеология формируется в т. ч. на основании юридической науки, которая в свою очередь включает правовую доктрину, но только при наличии высокого уровня каждого из указанных элементов можно говорить о качественном правовом регулировании и функционировании права в обществе и государстве.

Литература:

1. Городнова О. Н. Современная правовая идеология: понятие и актуальные проблемы ее совершенствования / О. Н. Городнова // Вестник Российского университета кооперации. — 2022. — № 3 (49). — С. 81–86.
2. Михайлов А. М. Юридическая доктрина и правовая идеология: учебник для вузов / А. М. Михайлов. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 711 с.
3. Перевалов В. Д. Правовая доктрина: понятие и соотношение с иными близкими по содержанию категориями / В. Д. Перевалов // Российское право: образование, практика, наука. — 2019. — № 5 (113). — С. 42–48.
4. Понятие «юридическая наука». — URL: <https://bigenc.ru> (дата обращения: 28.05.2025). — Режим доступа: Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия»: [сайт].
5. Славова Н. А. Юридическая наука: понятие, возникновение, развитие, функции и содержание / Н. А. Славова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2019. — № 1 (2). — С. 23–32.

Специально-юридические методы познания и их развитие

Сокольских Софья Романовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье исследуется понятие и признаки правовой методологии, а также особое внимание уделяется специально-юридическим методам, которые позволяют детализировать специфические характеристики права. Исследованы современные специально-юридические методы, а также охарактеризованы этапы их развития с момента возникновения и до настоящего времени, их значение для развития юриспруденции.

Ключевые слова: методология права, юридическая наука, история развития, правовое значение, специальные методы.

Среди всех методов, которые применяются в рамках правовых исследований, особое значение имеют специально-юридические методы, с помощью которых можно детализировать знание о праве и правовом регулировании. В отличие от других правовых методов, специально-юридические основываются на достижениях юридической науки и крайне редко используются в других науках.

С точки зрения современной науки, методология права представляет собой «совокупность теоретических знаний о способах познания правовой реальности научными средствами с соблюдением критериев научности. Включает в себя научные концепции и теории, характеризующие процесс познания правовых явлений, методологические принципы познания правовой реальности, а также методы научного познания и правила их применения с учётом специфики правовой реальности» [3].

Именно за исследование специфики правовой реальности и отвечают специально-юридические методы среди которых принято выделять: формально-юридический, технико-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, а также методы отдельных юридических наук, например, казуальный метод, который используется преимущественно в прикладных юридических науках.

Как отмечает В. А. Соромотина в своих исследованиях, посвященных правовой методологии: «специально-юридические исследовательские средства формируются в процессе методологического осмысления юридической наукой собственного исследовательского опыта (например, механизм правового регулирования, состав преступления, правовой договор, юридическое лицо)» [4, с. 56]. Применение данных методов обусловлено спецификой юридической науки, при этом за счет их применения уточняется тот или иной предмет исследования.

Также стоит отметить, что именно за счет некоторых специально-юридических методов в праве сформирована система взглядов и представлений, например, сравнительное правоведение. Так, М. В. Немытина дает следующий пример: «сравнительное правоведение существует как система научных подходов и методов познания, имеющих самостоятельную теоретическую ценность, применяемых в теоретико-исторических и отраслевых юридических исследованиях, используемых юристами-практиками в различных сферах правового регулирования» [2, с. 76].

Указанные методы сформировались с течением времени в процессе развития юридической науки, но ошибочно думать, что история их формирования началась недавно. Так, первые исследования, посвященные юридической технике находили отражение в трудах Платона и Аристотеля. В дальнейшем специально-юридические методы использовались в трудах Т. Гоббса, Ш.-Л. Монтескье и других. За счет применения специально-юридических методов исследовались особенности правового регулирования в любой стране, в т. ч. в России. Так, данный вид методов использовался при формировании правовой системы России при Петре I, а также при Екатерине II и последующих императорах. Но становление специально-юридических методов как самостоятельной группы методологии права произошло значительно позже.

Например, несмотря на то, что формально-юридический метод, который предусматривает исследование правовых текстов и юридических фактов, появился в эпоху Античности и считается первым специальным методом права, его научное признание произошло преимущественно в XIX веке, т. к. данный метод был заложен в основу учения «нормативизма». Изначально формально-юридический метод имел упрощенную форму, т. к. правовые тексты анализировались в правовых школах и отдельными философами. В последующем толкование текста и правовых фактов приобрело массовый характер и появились даже разные правовые школы, которые по-разному толковали одно и то же явление.

Вместе с этим, происходит развитие и технико-юридического метода, который составляет основу юридической техники. Еще Цицерон отмечал необходимость соблюдения определенной техники написания нормативных правовых актов, но впервые термин «юридическая техника» появляется только в работах Р. фон Иеринга, который также назвал свое исследование. До настоящего времени юридическая техника представляет собой основу законотворчества. Суть технико-юридического метода заключается в исследовании внешнего оформления нормативного правового акта и его соответствия содержанию. В отличие от формально-юридического метода, технико-юридический преследует цель установить правильность применения того или иного термина и понятия в праве для того, чтобы минимизировать ошибки в тексте нормативного правового акта, а также исключить возможность возникновения коллизий.

Сравнительно-правовой метод также появился в античной культуре и находит отражение в работах Аристотеля. На протяжении длительного времени данный специальный метод постоянно развивался и даже оформился в качестве учебной дисциплины в XIX в. Сначала в упрощенной форме, а затем на профессиональной основе, в рамках сравнительно-правового метода сопоставлялись правовые явления, понятия, процессы, а также сходства и различия между ними. Данный метод активно использовался странами для формирования национальной правовой системы. Так, за счет применения сравнительно-правового метода выделяются достоинства и недостатки различных правовых систем, а также улучшается понимание собственного правового регулирования. В настоящее время данный метод продолжает свое активное развитие на фоне меняющихся общественных отношений.

Такой метод как историко-правовой появился значительно позже — в XVII в. на фоне совершенствования правовых систем мира, но как специальный метод права он оформился только к XIX веку в рамках развития исторической школы права. В настоящее время сложно представить себе развитие права и нормативных правовых актов без сравнения с историческим прошлым. Особенностью историко-правового метода, с момента его возникновения, является исследование конкретных правовых явлений которые возникали в прошлом. Использование такого метода стало возможным в силу накопившей исторической базы для анализа в виде памятников права, достоверно известных юридических фактов и нормативных правовых актов. Значение же историко-правового метода в использовании правового опыта в рамках современного правового регулирования.

Отдельно скажем о том, что в юридической науке существует несколько специальных и даже специфических методов, которые используются в отдельных юридических науках. Среди таких методов каузальный, который позволяет установить причинно-следственные связи между правовыми явлениями; правотворческий эксперимент который направлен на апробацию правовых нововведений; правовое моделирование, которое направлено на анализа и последующего формирования правовой системы и государственного аппарата и т. п.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о значении и современном развитии специально-юридических методов. Об этом пишет Т. С. Мигалина: «Юридическая наука сегодня развивается активно, многосторонне и разнообразно. Исследуется правовая действительность, переосмысляются существующие теоретические конструкции и научные направления, формируются новые» [1, с. 366]. Без применения и дальнейшего развития специально-юридических методов невозможно говорить о совершенствовании юриспруденции и правового регулирования.

Таким образом, исследование развития специально-юридических методов свидетельствует о том, что они появились еще в древности и постепенно развивались вместе с юридической наукой и ее признание в обществе. Среди современных специально-юридических методов выделены: формально-юридический, технико-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, методы отдельных юридических наук (каузальный, правотворческого эксперимента, правового моделирования). Указанные методы имеют определяющее значение для уточнения правовых предписаний и государственно-правовых явлений.

Литература:

1. Мигалина Т.С. Методология юридической науки / Т.С. Мигалина // Молодой ученый. — 2023. — № 3 (450). С. 360–367.
2. Немытина М. В. Научные подходы и методы исследований в правоведении / М. В. Немытина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2022. — № 9 (97). — С. 72–83.
3. Понятие «методология права». — URL: <https://bigenc.ru> (дата обращения: 28.05.2025). — Режим доступа: Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия»: [сайт].
4. Соромотина В. А. Методология и методы юридической науки / В. А. Соромотина // Вопросы российской юстиции. — 2022. — № 18. — С. 54–58.

Соотношение юридической науки и догматической юриспруденции

Сокольских Софья Романовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье автор анализирует соотношение юридической науки и догматической юриспруденции, формирует представление о том, что следует понимать под догмой права, а также догматической юриспруденцией. Представлены различные взгляды современных ученых на проблему соотношения догмы и науки, а также значения для формирования профессионального мышления и правосознания, развития юридических актов.

Ключевые слова: юридическая наука, догматическая юриспруденция, догма права, история права, догматический метод.

Для современной юриспруденции особое значение имеет юридическая догматика, которая выступает в качестве ведущего направления исследования права и правовых явлений со стороны специалистов в области права — юристов.

Для определения особенностей данных понятий, но и их соотношения, необходимо определить в чем их сходство и различие. Так, юридическая наука представляет собой систему знаний, представлений об общих закономерностях развития права и функционирования государства. Юридическая наука включает в себя совокупность различных наук и дисциплин, в частности таких как теория государства и права, философия права, конституционное право, гражданское право, уголовное право, криминалистика, правовая статистика и др.

Юридическую науку формируют специалисты в области правовой теории и практики, а также практикующие юристы среди государственных служащих, других практикующих юристов, а также представителей других наук, исследования которых так или иначе связаны с правовым регулированием. Если представители теории развивают юридическую науку за счет своих научных исследований, сопоставлений правовых явлений и реальных общественных отношений, то практикующие юристы формируют предложения по совершенствованию правовой теории за счет своей практической деятельности, анализа судебной практики, а также применения других практических инструментов.

За счет этого современная юридическая наука включает в себя как теоретическую, так и практическую часть, за счет которых формируют соответствующие отраслевые науки, прикладные науки, а также государственно-правовые явления как в стране, так и за ее пределами. Применение исследований в области юриспруденции, которые проведены специалистами — юристами, позволяет обогатить и развить юридическую науку.

Таким же образом определяются особенности следующего понятия — «догматическая юриспруденция». Так, С. Э. Валдавина отмечает «юридическая наука, подразделяемая не по предметно-отраслевому принципу, а по преобладающему методу познания: юридический позитивизм и догматическая юриспруденция; априорное

конструирование идеальных прообразов и философия (или идеология) и политика права; исторический и эмпирико-социологический метод и история и социология права» [1, с. 23].

Из этого следует, что догматическая юриспруденция — это особая сфера юридических знаний, которая способствует исследованию особенностей и проблем юридических норм и их влияния на общественные отношения. С указанным понятием соотносится и правовая догматика, под которой можно понимать «особое направление исследования реалий позитивного права, носящее технико-юридический характер, без опытного обоснования и проверки. Основана на аналитической проработке догмы права преимущественно специально-юридическим методом. Обеспечивает воспроизводство правовой культуры общества» [4]. Соответственно, ключевым термином данных понятий является «юридическая догма», которая является объектом правовой догматики, которая, в свою очередь, обеспечивает теоретическую и практическую юридическую деятельность, формируя необходимый уровень профессионального правосознания и юридического мышления.

В теории современного права нет однозначного подхода к тому, что следует понимать под «догмой». По общему мнению догма — это непререкаемое мнение или учение. В рамках юриспруденции, под догмой следует понимать совокупность правовых норм, в связи с чем это центральное понятие юридической догматики и один из предметов познания юридической науки. Юридическая догма может быть выражена в нескольких формах: норма права, правовые принципы и явления, способы и средства правового регулирования, а также правовые конструкции. И все эти формы подлежат исследованию как со стороны ученых, так и практикующих юристов.

На основании деятельности профессиональных юристов формируется догматическая доктрина, которая становится частью юридической науки и догматической юриспруденции. Л. И. Глухарева исследуя догматическую юриспруденцию пишет, что «догматическая доктрина формирует модели (или логико-теоретические схемы) для создания, адекватного воле законодателя по-

нимания, а равно и практического использования, действующего в том или ином государстве положительного права» [2, с. 104].

Без анализа профессиональных юристов невозможно говорить о развитии права и науки. В этой связи нужно говорить не о соотношении, а о взаимосвязи юридической науки и догматической юриспруденции. За счет того, что догматическую юриспруденцию составляют особые практические знания в области права, которые систематизированы и описаны с позиции правоприменения, она оказывает благотворное влияние на развитие юридической науки за счет обеспечения преемственности теории и практики.

А. М. Михайлов делает вывод, что «юридическая догматика лежит в основании профессиональной юриспруденции, формирует необходимое для правотворческой и правоприменительной деятельности понятийное единство в профессиональном правосознании юристов и лежит в основании формирования иных типов исследовательской деятельности юристов, было бы закономерно предположить, что проблематика юридической догмы должна являться в значительной мере отрефлексированной профессиональным сообществом» [3, с. 152].

Так, юридическая наука исследует разнообразные правовые явления на основании комплекса методов познания. Здесь применяются как общие, так и частные методы научного исследования, благодаря чему правовое явление исследуется с разных точек зрения. Среди таких методов логика, синтез, дедукция, формально-логический, сравнительно-правовой и другие.

В свою очередь в рамках догматической юриспруденции как части юридической науки, используются специальные юридические методы. Это связано с тем,

что область догматических знаний изучает правовые нормы, судебную практику, правовые обычаи и пр. Аналитическая обработка информации связана с исследованием позитивного права.

Под позитивным правом следует понимать систему формально установленных правовых норм в соответствии с которыми регулируются общественные отношения, обеспечиваемые государством. В рамках догматической юриспруденции исследуются правовые нормы и их конструкция, а также формируются предложения по формированию наиболее эффективного правового регулирования.

Таким образом, исследование позволяет сделать вывод, что юридическая наука соотносится с догматической юриспруденцией как целое и часть. Основу юридической науки составляют все правовые явления и исследования, а также исследования, которые сформированы на основании опыта практикующих юристов, т. е. результатов догматической юриспруденции. В настоящее время догматическая юриспруденция приобретает все большее значение в связи с расширением правовой теории и практики применения правовых норм. Практикующие юристы, обладающие специфическими знаниями и опытом применения нормативных правовых актов, формируют представление о правильном правовом регулировании с учетом реальных общественных отношений, тогда как ученые-юристы отдают предпочтение научным исследованиям, не все из которых имеют практическую составляющую. За счет этого, современная наука включает комплекс теоретических и практических знаний о праве, эта совокупность качественно влияет на практику применения норм права и правовое регулирование в обществе.

Литература:

1. Валдавина С. Э. Понятие юридической науки и ее признаки / С. Э. Валдавина, Е. С. Косарева // *Философия права*. — 2015. — № 3 (70). — С. 21–25.
2. Глухарева Л. И. Юридическая догматика и догматическое мышление в российской доктрине права / Л. И. Глухарева // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. — 2017. — № 4 (10). — С. 102–116.
3. Михайлов А. М. Юридическая догма и формально-юридический (догматический) метод в постсоветском правоведении / А. М. Михайлов // *Проблемы постсоветской теории и философии права: перспективы свободного общества*. — Москва, 2018. — С. 149–201.
4. Понятие «правовая догматика». — URL: <https://bigenc.ru> (дата обращения: 30.05.2025). — Режим доступа: Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия»: [сайт].

Правовое самосознание юриста

Шутов Михаил Андреевич, студент магистратуры

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В рамках данной статьи будет проанализирован термин «правосознание», при этом особо пристально будет изучено правосознание у юристов. Предстоит установить характер связи между профессиональным правосознанием юриста и нравственным сознанием. Также будет рассмотрена опасность «правового нигилизма», проблема воздействия подобной позиции на общественное правосознание и моральный самоконтроль личности. Предстоит выяснить в какой степени развитое правосознание влияет на качество профессиональной деятельности юриста. Возможна ли вообще юриспруденция без морально-этической составляющей?

Ключевые слова: правосознание, нормы права, правовые идеалы, правовой нигилизм.

Обращаясь к мнению известных людей относительно данной темы, нельзя не упомянуть известного русского философа И. А. Ильина. Иван Александрович считает, что для личности с развитым правосознанием свойственна потребность разобраться в истинном значении закона, а не толковать его в угоду своим интересам или поверхностно изучать нормативно-правовые источники: «Развитому правосознанию всегда присуща непоколебимая уверенность в том, что право и закон имеют свое определенное содержание и что каждый из нас, обращаясь к праву и встречаясь с его связующими указаниями, имеет прежде всего задачу выяснить и неискаженно понять это объективное содержание права. И в этой уверенности люди не заблуждаются». [3]. Таким образом, в отсутствии задачи верно понять закон, рождается основа для дальнейшего некорректного правоприменения. Данное качество неприемлемо и для человека, далекого от юриспруденции, но для юриста оно несовместимо ни с профессионализмом, ни с этической составляющей его деятельности. Когда нормы права начинают кем-либо искусственно подстраиваться под субъективные интересы, решение тех или иных задач, то нарушается и сам принцип законности. Верховенство закона невозможно без развитого правосознания юристов. Ведь невозможно корректно применять закон, если не разобраться предварительно в его истинном содержании. Для любого подлинно демократического общества характерно верховенство закона, нормы права в таком обществе не подстраиваются под чью-либо необходимость, законы не толкуются двояко. Исходя из этого можно сделать вывод, что развитое правосознание у юристов важно не только в качестве характеристики их профессионализма и этики, но и для поддержания законности и справедливости в обществе. Юрист выступает не только в роли специалиста своего профиля, но и в качестве хранителя законности в обществе. На юриста возлагается двойная ответственность. С одной стороны, он должен хорошо справляться со своими профессиональными обязанностями, а с другой — грамотное понимание и применение права необходимо для достижения справедливости и обеспечения законности в обществе.

В рамках рассматриваемой темы обращусь к позиции Владислава Леонидовича Васильева, высказанной в его учебнике «Юридическая психология». Автор непосредственно связывает правосознание с общественным созна-

нием, господствующим в обществе: «Правосознание — это одна из форм общественного сознания, отражающая общественные отношения, которые регулируют или должны быть урегулированы нормами права, чье содержание и развитие обуславливается условиями существования общества» [2]. Следовательно, нормы права вытекают непосредственно из норм морали и понятий о справедливости в конкретном обществе. Можно даже сказать, что нормы права являются ориентиром для многих отраслей жизни общества. Большинство сфер жизни общества урегулировано нормами права, и, конечно, данные нормы считаются с характером того общества, в котором они действуют. Но одновременно с этим не стоит забывать и о том, что именно законность стоит прежде всего в правоприменительной практике. Без четкого понимания смысла закона и последовательного следования его нормам невозможно и правовое общество. Таким образом, правосознание в равной степени неотделимо как от законности, так и от этики. Понятие правосознание тесно связано с общественным сознанием.

Далее хотелось бы обратиться к высказыванию Пастушенко О. В.: «Общественное сознание — это отражение общественного бытия, выраженное в языке, в науке и философии, в произведениях искусства, в политической и правовой идеологии, в морали, религии, мифологии, в народной мудрости и социальных нормах, в представлениях различных классов, социальных групп и человечества в целом» [7]. Автор цитаты обращается к природе общественного сознания, анализирует его проявления. Общественное сознание действительно вытекает из культурно-исторического развития общества и его фактических условий жизнедеятельности на конкретном этапе развития. Все формы, которые получает выражение общественного сознания в определенных исторических, социальных и культурных реалиях, направлены на формирование целостной картины миропонимания. Данное миропонимание не ограничивается, как правило, определенным философским направлением. Опыт последующих поколений и их мировоззрение словно «наслаивается» на основы, доставшиеся от предыдущих поколений. В связи с вышесказанным, следует сделать вывод о неоднородности общественного сознания человечества. Оно состоит из общественного сознания различных социальных групп. Правосознание же сводится к восприятию обязательного для всех социальных групп законодатель-

ства. Закон учитывает общечеловеческие ценности и формирует наиболее общие и базовые для всех социальных групп обязательные нормы.

Согласно мнению кандидата юридических наук Максимовой И. М., правосознание — это «совокупность рациональных и психологических компонентов, которые не только отражают осознание правовой действительности, но и воздействуют на нее, формируя готовность личности к правовому поведению» [4]. Следует отметить, что правовое поведение во многом, действительно, формируется благодаря правосознанию. Связано это, прежде всего, с тем, что правосознание формирует среди прочего и личностные мотивы, цели человека. Ценностные ориентиры и убеждения отдельного человека в конечном счете и определяют природу его поведения в обществе, а вместе с тем и характер общественных отношений в целом.

Говоря о практическом значении правосознания человека, следует обратиться к позиции М. А. Большунова: «Правосознание основывается на социальном значении права в качестве универсального (порядок, справедливость, свобода) регулятора отношений человека к миру (космоцентрическая и теоцентристская культурно-социальные парадигмы) и отношений людей в обществе (антропоцентристская парадигма). Идеонормативная модель правосознания выводится из многомерности социального бытия (онтологическая основа); необходимости транслировать, закреплять механизм функционирования правосознания (гносеологическая основа); регулировать и реализовывать правовые отношения через деятельность субъектов (праксеологическая основа) и оценивать практическую значимость правовых норм (аксиологическая основа). Многоаспектный подход к определению понятия «правосознание» позволит, на наш взгляд, осмыслить его как целостный феномен». [1]. То есть, как уже отмечалось мной ранее, правосознание представляет собой неделимую систему морально-нравственных и деловых качеств, целостное мировосприятие и ценностные ориентиры.

В. Н. Мамах в своей работе «Философия права» утверждает: «содержательная сторона правосознания включает идеи, базовые установки, отражающие саму действительность в сознании человека, понятия же выступают как представления об этой действительности и оформляются в теоретические конструкции. Развертывание идеи права является рефлексией правосознания. Некоторые исследователи отмечают, что в идее права слиты четыре момента: сознание права, чувство права, правовой идеал и правовая реальность». [5]. Автор высказывает очень интересную, на мой взгляд, мысль. Правосознание предстает олицетворением и права в той форме, в которой оно применяется на практике и того идеала, который декларируется в законодательстве. Ведь многие положения Конституции РФ направлены на формирование того должного правового идеала к которому надо стремиться, который необходимо построить в обозримом будущем. Правовой идеал очень важен, так как он задает вектор развития права.

Н. В. Моджина в своей работе «Правовой нигилизм и правосознание россиян» заявляет, что наибольшую обеспокоенность вызывает крайняя форма правового нигилизма — правовой цинизм, то есть «откровенное, вызывающе-презрительное отношение к общепринятым правилам поведения в обществе и установкам» [6]. Подобное мышление не просто формирует у человека установку на нарушение закона, но и стирает самые первичные и базовые внутренние ограничители человеческой психики. И, если закон, общепринятые моральные нормы и стремление к правовому идеалу неделимы, то отрицание закона автоматически ведет и к отрицанию морали (и наоборот). Правовой нигилизм опасен не только отрицанием необходимости соблюдать законы и иные общественные нормы внешне, намного более глубокие процессы происходят в человеческой психике, в ценностных установках. Никакой внешний контроль за соблюдением правовых норм не способен быть достаточно эффективен, если у человека нет внутренних ограничителей и здоровых ценностей. Ведь человек, который хотя формально и не нарушил закон, но склонный к девиантному поведению, с большей долей вероятности нарушит закон в будущем, чем лицо с высокими моральными качествами. Если лицо соблюдает все формальные требования законодательства из страха наказания, но не имеет четких морально-нравственных установок и не понимает право, как явление неотделимое от морали, то данное лицо не обладает подлинным правосознанием. Такое лицо всегда несет потенциальную угрозу общественному порядку. Юрист же, как лицо, обладающее повышенной ответственностью, в первую очередь обязан обладать развитым правосознанием.

Подводя итог всего сказанного выше, следует отметить многоаспектность понятия правосознания. Данное понятие включает в себя и четкое понимание лицом действующего законодательства, и правовой идеал, и неразрывно связанную с правом общечеловеческую мораль. Для юриста, разумеется, невозможна профессиональная деятельность без четкого понимания смысла норм действующего законодательства. Но полноценное правосознание невозможно и без понимания правовых идеалов, закрепленных в Конституции РФ. Полное понимание нормативно-правовых актов немыслимо без понимания самого «духа» закона, его направленности. Без четкого понимания правового идеала невозможно оценить нормативно-правовой акт на предмет его соответствия Конституции. Именно общие, базовые принципы определяют отраслевое законодательство. В то же время, правовой идеал определяется господствующей в обществе идеологией и общечеловеческими ценностями. Право в изоляции от морали невозможно, они взаимосвязаны. Понимание права невозможно без понимания моральных ценностей, на котором оно основано. И непонимание базовой морали делает невозможным истинное правосознание юриста. Юрист, как лицо обладающее высокой ответственностью перед отдельными лицами и обществом в целом, обязан разделять моральные нормы,

на которых основано право. Развитое правосознание у юриста гарантирует не только его профессиональный успех, но и обеспечивает справедливость и законность в обществе.

Литература:

1. Большунов М. А. К вопросу о понятии правосознания // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2011. № 2 (10)
2. Васильев В. Л. Юридическая психология. — СПб.: Изд-во «Питер», 2005. 655 с.
3. Ильин И. А. О сущности правосознания. — М., 1993 г., 414 с.
4. Максимова И. М. Правосознание как источник правового поведения личности: дис... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005, 181 с.
5. Мамах, В. Н. Философия права. — М., 2002. — 358 с.
6. Моджина Н. В. Правовой нигилизм и правосознание россиян. // Вестник Башкирского университета. 2010. — Т. 15. — № 2.
7. Пастушенко О. В. Правосознание как форма сознания и мировоззрение // Грани, № 11 (91), 2012. — С. 37–41.

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Меры поддержки государством института семьи: социальные программы и инициативы

Фоменко Дарья Александровна, студент

Научный руководитель: Чинарян Елена Олеговна, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье рассматриваются правовые основания и действующие механизмы государственной поддержки института семьи в Российской Федерации. Исследование включает анализ конституционных и отраслевых нормативных актов, регулирующих вопросы социального обеспечения семей, а также международно-правовых обязательств России в данной сфере. Особое внимание уделено оценке ключевых федеральных и региональных программ (материнский капитал, пособия, льготная ипотека), их правоприменительной практике и актуальным проблемам реализации. На основе анализа судебной практики и научных источников выявлены правовые противоречия и пробелы, предложены направления законодательного совершенствования. Делается вывод о необходимости кодификации семейной политики и унификации критериев предоставления помощи для обеспечения правового равенства и социальной справедливости.

Ключевые слова: семья, семейная политика, государственная поддержка, материнский капитал, социальные выплаты, правовое регулирование.

Семья как правовой и социальный институт выполняет функцию воспроизводства населения, передачи культурных и этических норм, а также правовой социализации личности. Существует множество подходов к понятию семьи: например, определение её как социальную микрогруппу, основанную на браке и родстве, выполняющую воспитательную и хозяйственно-бытовую функции [1]; семья — это «социальный организм, интегрирующий личные, правовые и экономические интересы» [2].

Юридически значимым признаётся определение семьи в рамках Семейного кодекса РФ, в котором центральным критерием выступает наличие прав и обязанностей между её членами. Таким образом, государственная политика в отношении семьи должна иметь не только демографическую и социальную направленность, но и чётко очерченные правовые основания и механизмы реализации.

Конституционно-правовой фундамент поддержки института семьи в России закреплён в ст. 7 и 38 Конституции РФ [3]. Первая устанавливает принцип социального государства, вторая — прямо декларирует обязанность государства защищать семью, материнство и детство.

На отраслевом уровне ключевыми источниками выступают:

1. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ [4];
2. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [5];

3. Федеральный закон от 28.12.2017 № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» [6];
4. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка» [7];
5. Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1711 о субсидировании ставок по ипотеке для семей с детьми [8].

Данные акты формируют основу современной семейной политики, обеспечивают адресную помощь семьям и закрепляют механизмы государственной поддержки.

Российское законодательство также подчиняется нормам международного права, прежде всего — Конвенции ООН о правах ребёнка [9], Европейской социальной хартии [10] и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [11].

Программа материнского капитала, реализуемая с 2007 года (ФЗ № 256-ФЗ) [12], стала одним из наиболее известных примеров системной государственной поддержки. С 2020 года право на капитал предоставляется при рождении первого ребёнка, а сумма ежегодно индексируется. Однако практика свидетельствует о росте случаев фиктивных сделок с недвижимостью, что указывает на пробелы в контроле за целевым использованием.

Ежемесячные выплаты на детей (ФЗ № 418-ФЗ) предоставляются по критерию нуждаемости. Однако он варьируется от региона к региону, что порождает неравенство прав субъектов. Дифференциация социальных стан-

дартов между субъектами РФ разрушает принцип равенства граждан перед законом.

Программа льготной ипотеки, утверждённая Постановлением Правительства № 1711, является важным стимулом для семей с детьми, однако её ограниченность во времени (рождение детей после 01.01.2018) вызывает юридические споры о равенстве условий [13].

На региональном уровне разработаны разнообразные инициативы, например:

- 1) «Московская семья» (г. Москва);
- 2) проект «Социальный навигатор» (Республика Татарстан);
- 3) жилищные субсидии многодетным (Ленинградская область).

Однако отсутствие общих стандартов порождает дисбаланс в уровне социальной защиты между регионами.

Судебная практика указывает на неоднозначность толкования понятий «малообеспеченность», «одиноким родителем», «семья с детьми». В Постановлении Конституционного Суда РФ от 10.11.2022 № 49-П была признана недопустимой дискриминация одиноких родителей по формальным критериям, что подчеркнуло необходимость пересмотра подходов к адресности социальной помощи [14].

Также сохраняется избыточная бюрократизация процедур получения поддержки. Наличие множества требований, справок, отсутствие цифровой интеграции систем затрудняют реализацию законных прав семьи.

Отдельно стоит отметить гендерный перекос в семейной политике. Большинство мер адресовано женщинам, в то время как участие отцов в воспитании детей недостаточно стимулируется. Как показал международный опыт (например, Швеция), включение отцов

через законодательное закрепление отцовского отпуска значительно повышает качество семейной социализации.

Для оптимизации правовой базы и реализации принципов справедливости и эффективности предлагаются следующие меры:

1. Принятие Федерального закона «О государственной семейной политике», который кодифицирует все меры поддержки, включая налоговые, имущественные, образовательные и трудовые.
2. Унификация критериев нуждаемости на федеральном уровне, с жёсткой привязкой к объективным параметрам (прожиточный минимум, уровень бедности).
3. Цифровизация — создание единого «семейного кабинета» на платформе «Госуслуги» с автоматическим назначением выплат.
4. Разработка государственной стратегии отцовства, включая правовой механизм стимулирования отцовского участия в воспитании.
5. Введение института уполномоченного по делам семьи и детства, наделённого правом законодательной инициативы и мониторинга.

Несмотря на формально развитую нормативную систему, меры государственной поддержки семьи в России по-прежнему страдают от несогласованности, региональной дифференциации и правовой фрагментарности. Отсутствие кодификации и бюрократизация доступа к помощи подрывают доверие граждан к государственным институтам. Решение этих проблем требует системных изменений в правовом регулировании, разработанных на основе анализа судебной практики, международных стандартов и принципов социальной справедливости.

Литература:

1. Ананченкова, П. И. Семейная политика в системе государственной социальной политики Российской Федерации // *Этносоциум и межнациональная культура*. — 2008. — № 5 (13). — С. 209–216.
2. Батырева, Д. Б., Кекшаева, У. В., Куюкинова, М. А., Бамбышев, Н. А. Семейная политика как одно из направлений социальной политики государства // *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. — 2018. — № 1 (60). — С. 646–648.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.): по состоянию на 01.05.2024 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ — Дата обращения: 31.05.2025.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
5. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. — 2007. — № 1. — Ст. 19.
6. О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей: федеральный закон от 28 декабря 2017 г. № 418-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. — 2018. — № 1. — Ст. 52.
7. Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. — 1998. — № 31. — Ст. 3802.
8. О субсидировании процентных ставок по ипотечным жилищным кредитам для семей с детьми: постановление Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1711 // *Собрание законодательства РФ*. — 2018. — № 2. — Ст. 519.
9. Конвенция ООН о правах ребёнка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // *Бюллетень международных договоров*. — 1993. — № 12. — С. 3–24.

10. Европейская социальная хартия (пересмотренная) (Страсбург, 3 мая 1996 г.) // Бюллетень международных договоров. — 2000. — № 10. — С. 4–29.
11. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г.) // Бюллетень международных договоров. — 1986. — № 3. — С. 5–18.
12. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 1. — Ст. 19.
13. О субсидировании процентных ставок по ипотечным жилищным кредитам для семей с детьми: постановление Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1711 // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 2. — Ст. 519.
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2022 г. № 49-П // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 47. — Ст. 7865//

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

О собственности в российском законодательстве

Нургалеева Юлия Рашидовна, юрист

МБУ «Архитектура» (г. Среднеуральск, Свердловская область)

В Гражданском кодексе Российской Федерации отсутствует четкое определение ключевого термина собственности. Статья 209 ГК РФ говорит о содержании права собственности. Судебные органы, рассматривая судебные споры, связанные с собственностью, в правоприменительной практике указывают «триаду» правомочий собственника: владение, пользование, распоряжение. Причем под указанными правомочиями подразумевается и «собственность».

Ключевые слова: *собственность, право собственности, законодательное закрепление, определение, правоприменительная практика, Гражданский кодекс РФ, владение, пользование, распоряжение.*

Введение. С момента вступления в силу первой части Гражданского кодекса Российской Федерации и по настоящее время не существует официального определения самого понятия «собственность». Вместо этого, в кодексе представлено только разъяснение того, что подразумевается под содержанием права собственности. На сегодняшний день в академической литературе по гражданскому праву и в законодательных актах нашей страны не сложилось единообразного взгляда на данные концепции [1]. В данной статье автором делается попытка дать определение собственности.

Основная идея. Понятие «собственность» обладает своей уникальностью и разнообразием, проявляясь в различных формах: как часть имущества, экономическое понятие, правовое определение или объект сам по себе. «Собственность» имеет свою специфику и разнообразие, проявляясь в различных аспектах, таких как имущество, экономическая сущность, юридическое определение или просто как объект.

Следует отметить, что определение «собственность» может быть истолковано по-разному.

Великий русский лексикограф В. И. Даль определяет собственность как имущество, животные, пожитки, богатство, которое принадлежит самому себе [2].

По мнению Ожегова С. И., собственность представляет собой как имущество, так и материальные ценности, находящиеся в полном распоряжении и принадлежащие кому-либо. Также это право на владение чем-либо (например, землей, усадьбой, имением, рукописным наследством), то есть является объектом чьего-либо распоряжения и права [3].

В соответствии с толковым словарем Ушакова Д. Н., понятие собственности описывается как имущество, находящееся во владении и полном распоряжении определенного лица или организации» [4].

На законодательном уровне нет нормы-дефиниции о «собственности».

Обратимся к науке... Относительно понятия «собственность» существуют следующие мнения известных ученых юристов.

Согласно мнению С. С. Алексеева, собственность является нечто уникальным и принадлежащим именно человеку. Она представляет собой продолжение личности в материальных объектах, выражающее отношение к самому себе. Это расширение персонального владения человека, его абсолютной власти, предоставленной природой как к самому себе, так и к внешним предметам, которые становятся неотъемлемыми условиями и средствами. Собственность — это контроль над определенными объектами и вещами. У владельца полное и абсолютное право владения этими объектами и вещами [5].

Евгений Суханов утверждает, что собственность представляет собой взаимоотношения людей в отношении материальных ценностей, которые заключаются в присвоении или принадлежности определенным лицам (или их группам) и, соответственно, исключительной отчужденности этих ценностей от всех других лиц [6].

Кроме того, Евгений Алексеевич считает, что понятие «собственность» имеет различные значения и используется как синоним для терминов «право собственности», «имущество» и обозначает экономические отношения собственности [7].

Константин Скловский считает, что собственность — это вещь, которая принадлежит только одному человеку = одному собственнику, имеющему право на нее, превышающее права других лиц на эту же вещь. Право собственности стоит на вершине иерархии прав. Если право собственности на вещь теряется, все остальные права теряют свою основу и иерархия прав разрушается [8].

Понятие собственности и права на нее зародилось в эпоху правления Екатерины II, однако изначально оно было ограничено исключительно дворянским сословием и носило характер монаршей милости. Реформы Александра II во второй половине XIX века внесли существенные изменения в этот институт, трансформировав его из привилегии в общегражданское право.

Октябрьская революция 1917 года ознаменовала собой радикальный переход от частноправовых к публично-правовым принципам регулирования собственности. В условиях плановой экономики, доминировавшей в советский период, частная собственность была практически полностью вытеснена категорией личной собственности, которая, несмотря на формальное признание, фактически представляла собой модифицированную форму государственной собственности.

В 1832 в Своде законов Российской Империи в главе 1 «О праве собственности» раскрывается суть права собственности: «Кто, бывъ первым приобретателем имущества, по законному укрплению его въ частную принадлежность получить власть, порядке, гражданскими законами установленномъ, исключительно и независимо от лица посторонняго впасть, пользоваться и рязать онымъ выуно и потомственно, доколь не передать сей власти другому, или кому власть сія отъ перваго ея приобратателя дошла непосредственно или через послѣдующія законныя передачи и укрплениа тотъ имветъ на сіе имущество право собственности» [9], таким образом, в Российской Империи право на имущество возникало у того, кто первым законно его получил и обрел соответствующие права. Этот человек мог пользоваться имуществом до тех пор, пока не передаст свои права другому. Все еще основывалось на принципе первоочередности приобретения прав на имущество. Это обеспечивало стабильность и предсказуемость в гражданском обороте. В настоящее время, одним из минусов современного российского права является то, что в нем не определено, что именно подразумевается под «собственностью».

Российские законы не содержат четкого определения понятия «собственность». В то же время, судебные решения, касающиеся вопросов собственности, осуществляют уточнение права собственности на принадлеж-

ность определенному лицу чего-либо, например, право собственности «..на квартиру в порядке наследования» [10] или жилое помещение [11], без указания, что конкретно является собственностью.

Вывод. Таким образом понятию «собственность» придать нормативное закрепление в законодательстве нашей страны и внести в часть I Гражданского кодекса Российской Федерации ст. 209.1 «Понятие собственности, ее субъекты» следующего содержания:

«Статья 209.1 Понятие собственности, форма собственности, ее субъекты.

1. К собственности могут относиться:
 - 1.1. вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги);
 - 1.2. имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права);
 - 1.3. результаты работ и оказание услуг;
 - 1.4. охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность)
 - 1.5. нематериальные блага
 - 1.6. Земля, земельные участки;
 - 1.7. Недра;
 - 1.8. Воды;
 - 1.9. Растительный и животный мир;
 - 1.10. Здания, сооружения, предприятие, единый недвижимый имущественный комплекс.
 - 1.11. иное имущество.
2. Признаются и защищаются равным образом в Российской Федерации частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности
3. Лицами, владеющими собственностью, могут быть: граждане, юридические лица, Российская Федерация, ее субъект или муниципальное образование в лице соответствующего финансового или иного уполномоченного органа.
4. Если иное не предусмотрено законом или договором, результат хозяйственного использования собственности в виде доходов, продукции, принадлежит собственнику».

Литература:

1. Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории- 3-е изд. Перераб. И доп. — М.: Норма: Инфра-М, 2010. — С. 16.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.01.2025 по делу N 33–380/2025 (УИД 77RS0015–02–2022–005867–97)
3. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 19.04.2024 по делу N 33–6299/2024 (УИД 66RS0001–01–2023–004077–51)
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ Первоначальный текст документа опубликован в «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
5. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля // URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyy-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-s/1382>
6. Толковый словарь С. И. Ожерова URL//: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=29575>

7. Е. А. Суханов. Лекции о праве собственности. М., 1991. С. 91
8. Суханов Е. А. Право собственности в современной России: несколько принципиальных тезисов URL//: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-sobstvennosti-v-sovremennoy-rossii-neskolko-printsipialnyh-tezisev/viewer>
9. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. — М.: Статут 2010. — С. 214–215.
10. Ст. 420. Свод Законов Российской Империи. Том X 1785 Апр. 21 (16187) ст. 11; (16188) ст. 4; 1820 Мая 31 (28296)

АРБИТРАЖНОЕ ПРАВО

Досудебное примирение в системе примирительных процедур в арбитражном процессе РФ

Панова Алина Александровна, студент

Научный руководитель: Власова Ульяна Александровна, ассистент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В данной статье автором анализируются основные составляющие правового регулирования досудебных примирительных процедур в арбитражном процессе РФ. Также рассматривается процедура разрешения правового конфликта посредством совершения переговоров.

Ключевые слова: арбитражный процесс, конфликт, стороны, примирение, урегулирование, арбитражный суд, законодательство, аспект, примирительные процедуры.

Основная задача арбитражного процесса — это максимально эффективно достигнуть согласия между участниками дискуссии и отыскать итоговое решение, которое удовлетворит обе стороны. Исходя из вышесказанного, для того чтобы поддержать в разрешении спора, арбитражный суд использует конкретные методы, нацеленные на урегулирование конфликта между сторонами.

В момент реализации процедур улаживания спора между конфликтующими требуется придерживаться ряда ключевых принципов. К подобным закономерностям можно отнести, например, равенство сторон (стороны наделены равноценными правами и обязанностями в процессе разрешения конфликтной ситуации), принцип сотрудничества, а также добровольное участие (давление и принуждение к применению ни в коем случае не допускается).

Одна из ключевых функций арбитражных судов — помощь в достижении согласия между конфликтующими сторонами и урегулирование разногласий, даже если дело уже рассматривается в суде (согласно ч. 1 ст. 133 АПК РФ) или на последующих этапах (ч. 1 ст. 138 АПК РФ). Международная практика демонстрирует, что значительная доля судебных разбирательств завершается мирным урегулированием. Суд обязан предпринимать шаги для достижения примирения по каждому делу и оказывать поддержку сторонам, если они проявляют инициативу в урегулировании конфликта.

Процедура, направленная на урегулирование спора, носит примирительный характер. За рубежом такие процедуры разрабатываются в рамках альтернативных методов разрешения споров. В современной российской правовой системе к «альтернативным» относятся несудебные способы урегулирования разногласий. К числу применяемых примирительных процедур относятся пе-

реговоры, примирительное производство и посредничество (медиация).

Таким образом, государство предоставляет участникам правовых конфликтов возможность выбора: обратиться за защитой своих прав и интересов в государственный суд или разрешить спор при помощи альтернативных внесудебных процедур. При этом обращение в государственный суд не исключает возможности урегулирования спора при помощи примирительных процедур.

Важным элементом процесса урегулирования споров является четкое определение их роли в разрешении конфликтных ситуаций.

Первоначально, формирование примирительных механизмов предполагает контроль добровольной договоренности и нужд участвующих сторон. К тому же, применение этих процедур способствует поддержке связи между государством и отдельными юридическими лицами.

На втором месте стоит ценность методов для примирения. Это определяется тем, насколько успешно и эффективно разрешается конфликт. Успех в урегулировании спора достигается благодаря тому, что обе стороны в примирении остаются в плюсе, поскольку их запросы принимаются к сведению. В связи с этим, можно избежать проблемы, когда судебные решения не исполняются.

В-третьих, важность процедуры урегулирования разногласий выражается в скорости разрешения спора. Время — ценный ресурс, поэтому все больше становится актуальна необходимость использовать методы для эффективного примирения в короткие сроки.

Весьма подробно, к. ю. н. Ю. В. Гуцева характеризует факторы, обуславливающие проблемы применения процессуальных процедур. Она выдвигает их определенные категории:

- Социально-экономическая сфера оказывает влияние в виде непростой экономической обстановки, повышенной социальной напряженности, имущественного неравенства в обществе, ограниченных возможностей для продвижения по социальной лестнице и прочих аспектов;
- Политическая сфера характеризуется отступлением от демократических идеалов, излишним государственным регулированием, отсутствием объединяющей идеологии, необходимой для построения настоящего правового государства, и иными обстоятельствами;
- Правовая сфера проявляется в излишней легкости доступа к судебной системе, слабом развитии механизмов реализации соглашений, достигнутых в ходе медиации, отсутствии обязательной стадии досудебного урегулирования споров и тому подобное;
- Организационно-информационная сфера страдает от недостаточной информационной поддержки, низкой осведомленности населения о возможностях примирительных процедур и других факторов;
- Культурно-ценностная сфера обусловлена особенностями национального характера, отсутствием привычки к поиску компромиссов, конфликтов между различными субкультурами и прочими аспектами [1].

Рассмотрим точку зрения Е. В. Ерохиной, которая пишет, что в законодательстве Российской Федерации на данный момент не существует четких правил для урегулирования данной процедуры, которая используется сторонами для разрешения разногласий, возникающих в уже существующих отношениях. Исключением являются переговоры, которые относятся к заключению договора, регулируемые, как правило, гражданским правом. [2, с. 168]. Исходя из вышесказанного, принцип добровольности в процедуре урегулирования конфликта является особенно явным, в связи с тем, что стороны добровольно практикуют процесс, не регламентированный законодателем.

Практический опыт показывает, что переговорный процесс состоит из повторяющихся стадий, детально из-

ученных Е. В. Судоргиной. Она подчеркивала, что суть переговоров заключается в разрешении конфликтов между участниками, при этом стратегии и методы ведения переговоров варьируются в зависимости от преследуемых целей. Автор также классифицировала переговоры, отмечая, что они могут осуществляться непосредственно между представителями или сторонами. Более того, переговоры могут вестись как с позиции отстаивания конкретных требований, так и с учетом глубинных интересов сторон [3]. Таким образом, специфика переговорного процесса в значительной степени определяется конкретной ситуацией, в которой он разворачивается.

Практика демонстрирует, что переговорный процесс обычно проходит через определенные стадии, детально изученные Е. В. Судоргиной. Автор акцентирует внимание на том, что, стремясь к компромиссному решению, участники переговоров могут применять различные стратегии, зависящие от их приоритетов: либо уступки, либо твердое отстаивание собственных интересов. Судоргина, классифицируя виды переговоров, отмечает возможность их проведения напрямую между участниками или через уполномоченных представителей, а также различие между переговорами, основанными на позициях сторон, и переговорами, затрагивающими глубинные, принципиальные интересы. Таким образом, специфика переговорного процесса тесно связана с конкретными условиями, в которых он разворачивается.

По мнению И. Д. Карпенко, лишь незначительная часть (около 5–7%) населения России обладает развитыми переговорными компетенциями, что увеличивает вероятность перерастания разногласий в серьезные конфликтные ситуации [4]. Следовательно, переговорный процесс выступает способом урегулирования споров, когда стороны стремятся разрешить возникшие противоречия самостоятельно или через доверенных лиц, не прибегая к помощи независимых арбитров. Очевидными преимуществами переговоров являются их простота, скорость, конфиденциальность и другие аспекты, имеющие значение в сфере бизнеса. Однако, переговорный процесс не лишен недостатков, которые ограничивают его применение и эффективность, в том числе необходимость наличия у участников определенных переговорных навыков.

Литература:

1. Гуцева Ю. В. Примирительная процедура в праве (доктрина, практика, техника): автореф. дис. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2013. С. 10–11.
2. Ерохина Е. В. Переговоры как один из способов альтернативного разрешения гражданско-правовых споров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 4 (25). С. 168.
3. Судоргина Е. В. Развитие альтернативных способов разрешения споров как снижение нагрузки на суды (судебная медиация) // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 7А. С. 146–157.
4. Примирительные процедуры в суде: коллективная монография / Под ред. А. Д. Карпенко. — Санкт-Петербург: ООО «Аргус», 2014. — 127 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Актуальные проблемы применения норм необходимой обороны в теории и на практике

Аббасова Вероника Насибовна, студент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена анализу проблем, возникающих в рамках применения института необходимой обороны. Основное внимание автор уделяет недостаточной определенности нормативного регулирования, что нередко приводит к затруднениям при квалификации соответствующих действий в правоприменительной практике. Отсутствие четких критериев для разграничения правомерной обороны и её превышения порождает неоднозначность судебных решений и снижает уровень правовой защищенности граждан.

Автор предлагает конкретные направления совершенствования законодательства, включая уточнение понятийного аппарата и разработку единообразных подходов к оценке обстоятельств обороны. Предложенные меры направлены на повышение эффективности правового механизма самозащиты и обеспечение баланса между правами обороняющегося и охраняемыми интересами общества.

Ключевые слова: права человека, судебная защита, правосудие, Конституция РФ, необходимая оборона, правовое государство, доказательная база.

Current problems of application of necessary defense standards in theory and practice

The article is devoted to the analysis of problems arising in the context of the application of the institute of necessary defense. The author pays special attention to the lack of certainty of regulatory framework, which often leads to difficulties in qualifying the relevant actions in law enforcement practice. The absence of clear criteria for distinguishing between legitimate defense and its excess gives rise to ambiguity in court decisions and reduces the level of legal protection of citizens.

The author suggests specific areas for improving legislation, including clarifying the conceptual apparatus and developing uniform approaches to assessing the circumstances of defense. The proposed measures are aimed at increasing the effectiveness of the legal mechanism of self-defense and ensuring a balance between the rights of the defender and the protected interests of society.

Keywords: human rights, judicial protection, justice, Constitution of the Russian Federation, necessary defense, rule of law, evidence base.

Право на необходимую оборону представляет собой фундаментальный элемент системы правовых гарантий личности. Оно имеет естественно-правовую природу и обеспечивает возможность защиты от противоправных посягательств без обращения к государственным механизмам принуждения. Это право распространяется не только на защиту собственной жизни и здоровья, но и на охрану других социально значимых благ — неприкосновенности жилища, чести, достоинства и иных охраняемых интересов.

Закрепление права на необходимую оборону в законодательстве свидетельствует о признании государством его значения как универсального механизма самозащиты. В условиях реальной угрозы такое право становится правомерной формой отражения посягательства, что по-

зволяет гражданину действовать активно и без страха понести юридическую ответственность за нанесённый вред нападающему при соблюдении установленных законом условий [2].

Корректная квалификация действий в рамках необходимой обороны имеет принципиальное значение как для правовой науки, так и для практики правоохранительных органов. От точности правовой оценки зависит не только индивидуальная судебная перспектива конкретного дела, но и общее доверие к институту самозащиты как законному способу противодействия преступным посягательствам.

Одной из ключевых задач является разграничение правомерной обороны как обстоятельства, исключаящего преступность деяния, и её мнимого применения

в целях, не имеющих общественно полезной направленности. В частности, речь идёт о случаях, когда действия лица прикрываются необходимой обороной, но на деле являются результатом провокации, корыстного умысла или иных противоправных побуждений. Такие ситуации требуют особой внимательности со стороны следствия и суда, поскольку речь идёт не просто о юридической тонкости, а о возможности сознательного злоупотребления правом.

Особую сложность в правоприменении представляет проблема превышения пределов необходимой обороны. В условиях внезапного нападения или реальной угрозы человек действует в стрессовой ситуации, часто не имея времени для точной оценки степени опасности. В таких случаях важным становится не только формальное соблюдение критериев соразмерности, но и учет субъективного восприятия угрозы обороняющимся лицом.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 сыграло важную роль в унификации подходов к рассмотрению дел, связанных с необходимой обороной. В документе изложены ключевые правовые позиции, направленные на устранение разночтений в судебной практике и обеспечение более точного и справедливого применения норм, регулирующих институт самозащиты [1].

Основной целью Постановления Пленума Верховного Суда РФ было установление чётких критериев пределов необходимой обороны. Данное разграничение имеет принципиальное значение, поскольку действия, выходящие за рамки допустимой защиты, теряют общественную полезность и приобретают преступный характер. Отсутствие чётких ориентиров повышает риск ошибочной квалификации и снижает эффективность института самозащиты.

Как отмечал С. В. Тасаков, в практике нередко встречаются случаи применения так называемого «запаса прочности» при квалификации подобных деяний [5]. Это свидетельствует о существующих сложностях и неоднозначностях в правоприменении, когда необходимо найти баланс между защитой законных интересов личности и предотвращением злоупотреблений институтом необходимой обороны. В этом контексте постановление стало важным инструментом для выработки единообразной судебной практики и повышения правовой определенности.

Определение превышения пределов необходимой обороны является комплексной задачей, требующей учета множества факторов. Посягательства могут носить как преднамеренный, так и внезапный характер, при этом мотивы правонарушителя часто остаются неизвестными для обороняющегося, что осложняет адекватную оценку ситуации. Соотношение сил, как правило, не в пользу защищаемого, который действует импульсивно и не всегда способен объективно оценить степень угрозы и соразмерность ответных мер.

Каждое дело требует всестороннего анализа обстоятельств, однако на практике этот процесс осложняется ограниченностью времени и недостаточной квалифи-

кацией судей, что нередко приводит к неоднородности правоприменения. В связи с отсутствием единых критериев возникают трудности в разграничении допустимых и чрезмерных мер защиты.

Одним из предлагаемых подходов является сопоставление интенсивности посягательства и интенсивности защитных действий с учетом принципов необходимости и соразмерности. Этот метод поддерживается рядом авторитетных исследователей и способствует формированию более объективного и справедливого подхода к оценке действий в рамках необходимой обороны [4].

Пленум Верховного Суда РФ внес важный вклад в уточнение и формализацию оценочных понятий, что способствует более четкому пониманию норм, регулирующих институт необходимой обороны. Такие разъяснения повышают правовую определенность и облегчают применение законодательства как для судебных органов, так и для граждан. Тем не менее, действующая редакция статьи 37 Уголовного кодекса РФ требует дальнейшей конкретизации и совершенствования [5].

Одним из перспективных направлений является введение «формальных» пределов необходимой обороны, что призвано снизить субъективность при оценке действий обороняющегося. Формализация критериев позволит устранить правовые неопределенности и повысить справедливость правоприменения, что в конечном итоге укрепит доверие к институту самозащиты и улучшит качество судебных решений.

Важным предложением является введение «формальных» пределов необходимой обороны, направленных на уменьшение субъективности при оценке действий обороняющегося. Такой подход способен повысить правовую определенность, поскольку оценочные категории часто вызывают споры и неоднозначности.

А. П. Козлов предложил: «применять условные единицы измерения вреда, которые учитывают уровень общественной опасности и возможные последствия» [6]. Этот метод позволяет более точно отражать специфику конкретных ситуаций и объективно оценивать допустимые рамки защиты.

Решение проблемы превышения пределов необходимой обороны требует разработки чётких критериев, которые могут стать основой для будущих законодательных изменений. Необходимо предусмотреть возможность причинения максимально допустимого вреда при защите охраняемых законом интересов, что позволит избежать чрезмерных ограничений права на самозащиту.

Проблема превышения пределов необходимой обороны остаётся недостаточно урегулированной в российском уголовном праве, что подчёркивает необходимость её дальнейшего законодательного совершенствования для повышения эффективности правоприменения и защиты гражданских прав.

Понятие пределов необходимой обороны и критерии их оценки остаются недостаточно конкретными, особенно в случаях применения оружия или разрешённых средств защиты, таких как газовые баллончики и травма-

тическое оружие. Это создает сложности в правоприменительной практике, поскольку действия обороняющегося в экстремальной ситуации часто носят спонтанный характер и требуют быстрой реакции [7].

В условиях реальной угрозы, когда помощь невозможна, человек вынужден самостоятельно принимать решения и использовать все доступные средства для отражения нападения. Часто такие меры, хотя и приводят к тяжёлым последствиям для нападающего, являются единственным способом предотвратить опасность для жизни и здоровья.

Сравнительный анализ зарубежного опыта показывает, что в ряде государств при нападении допускаются любые средства защиты, вплоть до причинения смерти

нападающему. При этом уровень преступлений, связанных с грабежом и разбоем, там значительно ниже, чем в России, что отражает различия в подходах к обеспечению безопасности граждан.

Таким образом, российское законодательство нуждается в уточнении норм, регулирующих пределы необходимой обороны, а также в разработке чётких критериев допустимых мер защиты. Это позволит повысить правовую определённость и обеспечить гражданам возможность адекватно реагировать на угрозы без опасений излишних юридических последствий. В конечном итоге такая законодательная доработка будет способствовать эффективной защите жизни и здоровья, что является приоритетной задачей уголовного права.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 3 октября 2012. № 5900
2. Нигметов М. Н. К вопросу о реализации гражданами права на необходимую оборону // Аспирант. 2022. № 4 (30). С. 104
3. Серватинский А. В. Проблемы определения пределов необходимой обороны // Вопросы современной юстиции. 2021. № 12 (51). С. 121
4. Городнова О. Н. Понимание и реализация права на необходимую оборону // Вестник Чувашского университета. 2023. № 4. С. 160
5. Серватинский А. В. Проблемы определения пределов необходимой обороны // Вопросы современной юстиции. 2020. № 12 (51). С. 121
6. Козлов А. П. Пределы необходимой обороны и их превышение. Красноярск, 1994, С. 34
7. Чернов А. Е. Сравнительный анализ российских и зарубежных уголовно-правовых норм о необходимой обороне // АВБсП. 2024. № 1 (1). С. 84

Дискуссионные вопросы о возможности объединения преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ, в одну статью

Лукина Марина Владимировна, студент

Научный руководитель: Клоков Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

Статья посвящена анализу возможности объединения преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации, которые касаются преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. В условиях современного правоприменения возникает необходимость в переосмыслении подходов к квалификации данных преступлений.

Статья содержит аргументы как в пользу, так и против объединения данных преступлений. Сторонники объединения указывают на необходимость упрощения правоприменительной практики и повышения эффективности уголовного преследования. Противники же подчеркивают латентность данных преступлений.

Ключевые слова: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, справедливая ответственность, латентность, судебная статистика, объединение статей.

Ключевое отличие между ст. 131 и 132 УК РФ это характер сексуальных действий. Изнасилование можно охарактеризовать как специальный состав относительно насильственных действий сексуального характера: со-

вершение любого насильственного полового акта квалифицируется по ст. 132 УК РФ, но совершение насильственного полового сношения квалифицируется по ст. 131 УК РФ.

Изнасилование и насильственные действия сексуального характера имеют одинаковую степень общественной опасности, что подтверждается аналогичной структурой статей, формулировками диспозиций и размером наказаний.

За совершение в любой последовательности насильственного полового сношения и иного сексуального действия, независимо от промежутка времени между ними, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16). При этом совершение двух половых актов либо насильственных действий сексуального характера с одним потерпевшим (потерпевшей) с незначительным промежутком между ними при единстве умысла квалифицируется как одно продолжаемое преступление (п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16).

Так, если речь идет об изнасиловании двух или более несовершеннолетних девушек данное преступление рассматривается по п. «б» ч. 5 ст. 131 УК РФ. В случае же, когда женщина совершает насильственные действия сексуального характера в отношении двух или более несовершеннолетних лиц любого пола или когда мужчина совершает аналогичные действия в отношении двух или более несовершеннолетних мужчин применяется п. «б» ч. 5 ст. 132 УК РФ. Тем не менее, преступление, совершенное мужчиной в отношении двух несовершеннолетних: девушки и юноши, образует совокупность преступлений, квалифицированная по п. «а» ч. 3 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ. Подход законодательства оказывает влияние не только на квалификацию содеянного, но и на установление размера наказания. Что приводит к несоответствию принципам справедливой ответственности из-за особенностей квалификации.

Разграничение статей можно объяснить тем, что гомосексуальные отношения, такие как лесбиянство и мужеложство, классифицируются как отклонения и парафилии. Совершение данных сексуальных актов в насильственной форме может привести к негативным последствиям, таким как нарушение половой идентичности, и может причинить более значительный психологический вред, чем насильственное половое сношение в естественной форме, что указывает на большую степень их общественной опасности. Но тогда возникает вопрос о схожих содержаниях санкций статей 131 и 132, если они имеют разную общественную опасность. А также наличие «иных действий сексуального характера» в статье 132 УК РФ куда относятся формы гетеросексуальных контактов.

Однако, также стоит отметить, что только при изнасиловании может наступить такое последствие как беременность, что подчеркивает разность данных деяний.

Изучив судебную статистику [5] по России, количество лиц, осужденных за изнасилование: в 2020 году составило 45% от всего количества осужденных по ст. 131 и 132 УК РФ, в 2021–41%, в 2022–40%, в 2023–38%. Можно сделать вывод, что такое отграничение статей позволяет

отслеживать реальную картину по данным преступлениям. И в связи с высокой социальной значимостью проблемы о подверженности женщин насилию, статистика помогает отследить данный фактор, что в дальнейшем может повлечь принятие соответствующих решений для регулирования ситуации, таких как разработка социальных программ.

Стоит подчеркнуть, что подавляющее большинство уголовных дел по ст. 131 УК РФ связана с частью 1 данной статьи, в то время как по ст. 132 УК РФ наибольшее число осужденных приходится на 4 часть статьи, то есть насильственные действия сексуального характера, которые повлекли по неосторожности смерть потерпевшего или совершены в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста.

Возможно законодатель не объединяет статьи из-за латентности преступлений. Согласно социологическим опросам количество людей, подвергаемых сексуальному насилию намного больше, чем отражено в практической статистике госорганов. И объединение статей не разумно на данном этапе, так как в будущем возможен скачок преступности из-за того, что сейчас данная проблема в обществе осязается все больше. И люди перестанут стыдиться и бояться совершенных в отношении них преступлений.

Таким образом, можно предположить, что законодательная база еще не полностью адаптирована к реальной ситуации, и объединение статей может привести к искажению картины преступности, что в свою очередь затруднит разработку эффективных мер по ее предотвращению и борьбе с ней.

Также выдвигается версия [3] отказаться от использования понятий «мужеложство» и «лесбиянство» в контексте ст. 132 УК РФ, предлагая вместо этого применять более универсальный термин «действия сексуального характера» с его раскрытием в постановлении Пленума Верховного суда РФ. Это обновление позволит устранить избыточность в уголовном кодексе, удалив медицинские термины, которые не являются его элементами, и предотвратит риск ошибочного понимания формулировки «иные действия сексуального характера».

К тому же, когда речь заходит о других видах преступлений, наносящих вред половой неприкосновенности и свободе, например ст. 133 УК РФ «Понуждение к действия сексуального характера» половое сношение, мужеложство, лесбиянство и совершение иных действий сексуального характера перечислены в рамках одной диспозиции, а в ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» данные деяния также содержатся в рамках одной статьи, но мужеложство и лесбиянство отнесены к квалифицирующим составам.

По моему мнению, целесообразно объединить составы изнасилования и насильственных действий сексуального характера. Однако, одновременно необходимо ввести дополнительный квалифицирующий признак:

совершение многократных половых актов с одним потерпевшим (потерпевшей). Поскольку совершение нескольких сексуальных контактов с большей степенью может «травмировать» женщину, как в психологиче-

ском, так и в физическом плане. С объединением статей, путем исключения ст. 132 и переименования ст. 131 в «Изнасилование и иные насильственные действия сексуального характера».

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»
3. Прохорова Марина Леонидовна, Улитин Илья Николаевич, Шкапертина Ксения Игоревна Уголовная ответственность за половые преступления (статьи 131 и 132 ук рф): отдельные аспекты правовой регламентации // Теория и практика общественного развития. 2022. № 9 (175). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-polovye-prestupleniya-stati-131-i-132-uk-rf-otdelnye-aspekty-pravovoy-reglamentatsii>
4. Повсеместная опасность: каждая третья женщина в мире подвергается насилию. — Текст: электронный // Всемирная организация здравоохранения: [сайт]. — URL: <https://www.who.int/ru/news/item/09-03-2021-devastatingly-pervasive-1-in-3-women-globally-experience-violence>
5. Судебная статистика РФ. — Текст: электронный // Агентство правовой информации: [сайт]. — URL: <https://stat.apipress.ru/stat/ug/t/14/s/17>

Особенности квалификации хищения чужого имущества

Макарова Инна Евгеньевна, студент

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

В статье рассматриваются особенности квалификации кражи в российском уголовном праве, охватывая установление корыстной цели, тайного характера хищения и причинно-следственной связи между действиями виновного и ущербом потерпевшего. Внимание уделяется разграничению кражи и мошенничества, квалификации кражи, совершенной с использованием информационных технологий.

Ключевые слова: кража, квалификация, корыстная цель, тайность, ущерб, мошенничество, информационные технологии.

Peculiarities of qualification of theft of someone else's property

The article discusses the specifics of theft qualification in Russian criminal law, including the establishment of a mercenary purpose, the secret nature of the theft, and the causal relationship between the actions of the perpetrator and the damage to the victim. Special attention is paid to the distinction between theft and fraud, as well as the qualification of theft committed using information technology.

Keywords: theft, qualification, mercenary purpose, secrecy, damage, fraud, information technology.

Хищение, как распространенное преступление против собственности, напрямую влияет на экономическую стабильность и общественное благосостояние. Понимание признаков, отличающих формы хищения (кража, мошенничество, грабеж, разбой, присвоение или растрата), требуется для правильной квалификации деяния и назначения справедливого наказания.

Законодательство в сфере борьбы с хищениями постоянно совершенствуется, появляются новые способы совершения преступлений, связанные с развитием информационных технологий (например, киберпреступления, связанные с хищением денежных средств с банковских счетов или криптовалюты).

Отграничение хищения от смежных составов преступлений (самоуправства, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием), определение момента окончания преступления, установление размера ущерба и других квалифицирующих признаков требуют анализа.

Квалификация хищения чужого имущества, такого как кража, в Российской Федерации имеет ряд особенностей, определяемых Уголовным кодексом РФ (УК РФ) [1] и разъяснениями, данными Верховным судом РФ в постановлениях Пленума [2]. Особенности касаются как общих признаков хищения, так и квалифицирующих признаков, влияющих на степень общественной опасности деяния

и, соответственно, на размер наказания. Целесообразно учитывать, что правильная квалификация преступления имеет решающее значение для обеспечения справедливости и законности при привлечении лица к уголовной ответственности.

Базовым элементом квалификации любого хищения, в том числе кражи, является установление наличия у виновного корыстной цели. Цель выражается в стремлении извлечь материальную выгоду для себя или других лиц за счет чужого имущества. Корыстной цели должна иметь место на момент совершения деяния и являться его мотивом. Отсутствие корыстной цели исключает квалификацию деяния как хищения, даже если имущество изъято противоправно. При этом необязательно, чтобы виновный фактически получил выгоду от совершения кражи; достаточно установления его намерения получить такую выгоду. Например, если лицо тайно изымает имущество, но затем выбрасывает его, не имея намерения использовать его в своих интересах, то такое деяние не квалифицируется как кража, хотя содержит признаки другого преступления, например уничтожения или повреждения чужого имущества.

Тайность хищения — базисный признак, отличающий кражу от других форм хищения (грабежа или разбоя). Считаем целесообразным отметить, что этот признак должен присутствовать на момент изъятия имущества. Если лицо изначально действовало открыто, но впоследствии стало действовать тайно, это не меняет квалификацию деяния. Например, если лицо сначала открыто берет чужое имущество, а затем пытается незаметно уйти с ним, то это квалифицируется как грабеж, а не как кража. При определении тайности хищения целесообразно учитывать субъективное восприятие окружающих, объективные обстоятельства совершения преступления.

При квалификации кражи необходимо установить причинно-следственную связь между действиями виновного и наступившими последствиями в виде причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества. Ущерб должен быть реальным и выражаться в уменьшении имущественной массы потерпевшего. Размер ущерба имеет значение для квалификации кражи по разным частям статьи 158 УК РФ. Часть 2 статьи 158 УК РФ предусматривает ответственность за кражу, совершенную с причинением значительного ущерба гражданину.

Квалифицирующие признаки кражи, предусмотренные частями 2, 3 и 4 статьи 158 УК РФ, значительно повышают степень общественной опасности деяния и влекут строгое наказание. К таким признакам относятся: совершение кражи группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище или жилище, из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода, с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, в крупном или особо крупном размере, организованной группой.

Кража с банковского счета или в отношении электронных денежных средств является относительно

новым квалифицирующим признаком, требующим установления факта неправомерного доступа к денежным средствам, находящимся на счете или в электронном кошельке.

Вопрос о разграничении кражи и мошенничества при квалификации кражи вызывает повышенный интерес. В обоих случаях происходит изъятие чужого имущества, но способы совершения этих преступлений существенно различаются. На практике возникают ситуации, когда сложно провести конкретную грань между этими двумя составами преступлений. Так, если лицо представляется сотрудником социальной службы и под этим предлогом входит в квартиру к пенсионеру, а затем тайно похищает деньги, то такое деяние квалифицируется как кража, совершенная с проникновением в жилище. Если пенсионер добровольно отдает деньги лжесотруднику социальной службы, поверив его обману, то деяние будет квалифицировано как мошенничество.

Квалификация кражи, совершенной с использованием информационных технологий, особенно сложна. Кража с банковского счета или в отношении электронных денежных средств, предусмотренная пунктом «г» части 3 статьи 158 УК РФ, требует установления факта неправомерного доступа к соответствующим счетам или электронным кошелькам. При этом целесообразно отличать данную квалификацию от мошенничества с использованием электронных средств платежа, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ. Если лицо получает доступ к банковскому счету или электронному кошельку путем обмана или злоупотребления доверием, например путем фишинга, то деяние квалифицируется как мошенничество. Для квалификации по статье 158 УК РФ нужно, чтобы изъятие денежных средств происходило тайно, то есть без ведома владельца счета или кошелька.

Анализ подходов авторов привел нас к выводу, что сегодня существует проблема разграничения кражи и мошенничества, особенно в случаях когда обман используется для получения доступа к имуществу, а затем происходит его тайное изъятие. Возникают трудности в определении момента перехода имущества во владение виновного и, следовательно, в правильной квалификации содеянного. Если обман используется для того, чтобы потерпевший добровольно передал имущество виновному, получающему над ним фактический контроль, действия квалифицируются как мошенничество. Неоднозначность в понимании момента перехода имущества и разграничении этих двух составов приводит к ошибкам в правоприменительной практике.

Для устранения данной проблемы считаем целесообразным внести изменения в Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», дополнив его пунктом следующего содержания: «В случаях когда обман используется виновным для получения доступа к чужому имуществу, но потерпевший не имеет намерения передать виновному право владения, пользования или распоряжения этим имуществом, а виновный тайно изы-

мает данное имущество, содеянное квалифицируется как кража. При этом, если обман является способом убедить потерпевшего добровольно передать имущество виновному, получающему над ним контроль и возможность распоряжаться им по своему усмотрению, содеянное квалифицируется как мошенничество».

Таким образом, квалификация кражи определяется УК РФ и разъяснениями Верховного суда. Компонентами являются корыстная цель, тайный характер хищения и причинно-следственная связь между действиями виновного и ущербом потерпевшего. Корыстная цель — стремление к материальной выгоде. Тайность означает совершение хищения незаметно для окружающих. Ущерб должен быть реальным и значительным, что определяется стоимостью похищенного имущества.

Квалифицирующие признаки (группа лиц по предварительному сговору, незаконное проникновение, кража из нефтепровода или с банковского счета) повышают общественную опасность и влекут строгое наказание. Следует разграничивать кражу и мошенничество.

Существует проблема разграничения кражи и мошенничества, когда обман используется для получения доступа к имуществу с последующим тайным изъятием. Сложность в определении момента перехода права владения приводит к ошибкам в квалификации. Предлагается дополнить Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.12.2002 № 29, чтобы разграничить кражу (тайное изъятие без передачи права владения) и мошенничество (добровольная передача имущества под контролем виновного).

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 2. — 2003.

Некоторые проблемы антикоррупционной политики Российской Федерации в современный период

Новикова Юлия Сергеевна, студент магистратуры

Институт деловой карьеры (г. Москва)

Научный руководитель: Савченко Светлана Антоновна, доктор юридических наук, профессор

Филиал «Института деловой карьеры» в Тюменской области

В статье автор исследует современные проблемы антикоррупционной политики Российской Федерации и пути их решения.

Ключевые слова: коррупция, история зарождения коррупции, антикоррупционная политика Российской Федерации, антикоррупционная система Российской Федерации, антикоррупционное законодательство, проблематика антикоррупционной политики Российской Федерации.

Определение коррупции на территории Российской Федерации нормативно закреплено в рамках статьи 1 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 года и означает злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. [1]

Рассматривая исторический аспект возникновения и развития коррупции, первое упоминание о которой было оставлено шумерским царем Уругани — царем города-государства Лагаша еще в XXIV веке до нашей эры.

В тот исторический период коррупция была выявлена в кругах судей и чиновников. [2]

Говоря об историческом наследии нашей страны, то первое упоминание о коррупции на Древней Руси было еще в IX веке и связано оно с так называемыми «кормлениями». Данная система заключалась в особом способе содержания должностных лиц за счет местного населения. Так, население было обязано содержать должностных лиц — «кормить» в течение всего периода службы, что естественно приводило к взяткам. В целом указанная система содержания должностных лиц являлась совершенно неэффективной

Уже к XV веку коррупция в России стала носить системный характер. Уже тогда чиновник выполнял за денежную выгоду какое-то действие, связанное с его должностными обязанностями, это явление было названо «мздоимство» [3].

С XXIV века и по настоящее время, во всех странах мира борются с таким явлением, как коррупция и не могут найти однозначного способа борьбы, который был бы эффективным на все 100%, а не просто снизил процент совершения данного вида преступления. В Российской Федерации также столкнулись с некоторыми проблемами, а именно, коррупционные проявления со стороны граждан Российской Федерации и государственных служащих, пока не позволяют искоренить полностью такой вид преступлений.

Рассматривая более углубленно определение «коррупция», стоит заострить свое внимание на видах коррупции. С точки зрения уголовного права коррупцию можно классифицировать по следующим уголовным составам, закрепленным в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13.06.1996 года № 63-ФЗ:

- получение взятки (ст. 290 УК РФ);
- дача взятки (ст. 291 УК РФ);
- посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ);
- мелкое взяточничество (ст. 292.2. УК РФ) и другое.

Данные составы преступлений закреплены в главе 30 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Санкции за данные виды преступлений на территории Российской Федерации достаточно суровы, но соответствуют требованиям уголовного законодательства.

Стоит отметить, что на территории Российской Федерации, на территории Тюменской области, в частности, имеется достаточно свежая и разнообразная судебная практика по ст. 290 УК РФ. [4]

Например, только в 2024 году Тюменским районным судом Тюменской области в рамках уголовных дел было порядка 70 уголовных дел, в связи с наказанием должностных лиц, в том числе приговор руководителю Федерального казенного учреждения Исправительная колония-4 Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Тюменской области по ч. 3. ст. 290 УК РФ).

Данная категория дел рассматривается с участием прокурора, который как активный участник уголовного процесса, требовал наказания в виде лишения свободы должностному лицу — до 10 лет с лишением права занимать должности на государственной службе. Закончилось уголовное дело, тем, что по совокупности совершенных, учитывая смягчающие факты, судом назначено окончательное наказание в виде лишения свободы сроком на десять лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима с лишением права занимать должности на государственной службе, связанные с осуществлением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных полномочий на срок пять лет. Судебная практика по всей территории Российской Федерации имеет достаточно большое количество примеров решений судов по вопросу о привлечении к уго-

ловной ответственности за преступления по коррупционным составам.

Говоря о системе противодействия коррупции, стоит обратиться к статье 1 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 года. На территории Российской Федерации нормативно закреплено определение противодействия коррупции — это деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

- а) по профилактике коррупционных преступлений (предупреждение таких преступлений и минимизация ущерба);
- б) борьба с коррупцией (комплекс мер направленный на выявление, раскрытие и расследование коррупционных преступлений);
- в) принятие мер по минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений. [1]

Рассматривая антикоррупционную политику Российской Федерации, стоит заострить внимание на достаточно широком количестве нормативно-правовых актов, так или иначе затрагивающих вопрос борьбы с коррупцией на территории нашей страны. На сегодняшний день, если посчитать все Федеральные законы Российской Федерации в данной сфере, Указы Президента Российской Федерации, Постановления Правительства Российской Федерации и так далее, то их можно насчитать не один десяток. Но, несмотря на всю нормативную базу, данные преступления совершаются, и в немалых финансовых объемах.

Можно остановиться только на некоторых причинах коррупции на территории Российской Федерации, и выделить единые факторы, влияющие на коррупцию в Российской Федерации:

- некоторые финансово-экономические проблемы, в том числе в банковской сфере;
- освещенные в прессе примеры личного обогащения определенных групп населения, должностных лиц, чиновников;
- малоэффективная деятельность институтов гражданского общества и иные проблемы.

Фонд «Общественное мнение» в 2024 году провел опрос граждан Российской Федерации, в котором приняло участие 1500 респондентов — жители 104 городских и сельских населенных пунктов в 53 субъектах РФ. Опрос респонденты проходили по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

Так, по мнению 20% опрошенных, сейчас уровень коррупции в России снижается, 35% участников опроса считают, что он повышается, 21% полагают, что ничего в этом отношении не меняется. 43% респондентов верят в возможность победить коррупцию в России, в то время как 47% убеждены в ее непреодолимости. 41% россиян думают, что в ближайшие годы удастся снизить уровень коррупции в России, столько же респондентов считают, что не удастся. [5]

Данный опрос подтверждает, что граждане Российской Федерации на сегодняшний день достаточно взволнованы вопросом коррупции на территории Российской Федерации и сомневаются в честной и добросовестной работе государственных органов и должностных лиц.

По нашему мнению, на территории Российской Федерации необходимо усиливать закрепленные в нормативных актах методы борьбы с коррупцией:

- 1) широко использовать телефон доверия, по которому граждане могут сообщить о ставших им известными случаям коррупционных проявлений;
- 2) проводить повсеместную антикоррупционную экспертизу всех документов, издаваемых государственными и муниципальными органами на предмет возможных нарушений законодательства;
- 3) предъявление в установленном законом порядке квалификационных требований к гражданам, претендующим на замещение государственных или муниципальных должностей и должностей государственной или муниципальной службы, а также проверка в установленном порядке сведений, представляемых указанными гражданами;
- 4) установление в качестве основания для освобождения от замещаемой должности и (или) увольнения лица, замещающего должность государственной или муниципальной службы, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами Российской Федерации, применения в отношении этих лиц мер юридической ответственности при непредставлении ими сведений о получении ими имущества и доходов, а также их родственниками за отчетный период, и предоставить право прокурору обращаться в суд по любому проявлению коррупции у должностных лиц, с требованиями об изъятии неподтвержденного дохода (имущества) и применение к соответствующему сотруднику дисциплинарных взысканий и требовать их увольнения;
- 5) внедрение в практику кадровой работы федеральных органов государственной власти, органов

государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления правила, в соответствии с которым длительное, безупречное и эффективное исполнение государственным или муниципальным служащим своих должностных обязанностей должно в обязательном порядке учитываться при назначении их на вышестоящую должность, присвоении им воинского или специального звания, классного чина, дипломатического ранга или при его поощрении;

- 6) развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции.

Рассматривая вопрос проблематики антикоррупционной политики Российской Федерации, для сокращения уровня коррупционных преступлений можно рекомендовать только некоторые дополнительные пути решения выявленных проблем:

1. Повышение заработной платы государственным служащим;
2. Введение полностью автоматизированной системы проведения государственных закупок, для исключения принятия финального решения о победителе в рамках государственной закупки представителем государственного учреждения;
3. Широкое освещение через средства массовой информации о принятых мерах в сфере борьбы с коррупцией;
4. Введение на государственном уровне должности федерального омбудсмана по вопросам антикоррупционной политики Российской Федерации с правом выступать по итогам года в Государственной Думе. Данное должностное лицо занималось бы юридической деятельностью и выявлением причин коррупционных проявлений и вносило бы предложения по борьбе с коррупцией на территории Российской Федерации на рассмотрение высших государственных органов.

Литература:

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ: [в редакции от 08.08.2024]. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный (дата обращения: 29.04.2025).
2. Лезина Е. П., Исакова А. Ю. Возникновение и развитие понятия коррупции / Е. П. Лезина, А. Ю. Исакова // Контентус. — 2020. — № 5. — С. 121–128. (дата обращения: 29.04.2025).
3. Кораблёв Г. Г. История возникновения и развития коррупции в Древней Руси // Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018014902> (дата обращения: 02.05.2025).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: [в редакции от 21.04.2025]. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный (дата обращения: 29.04.2025).
5. Коррупция в России. Возможно ли победить коррупцию в России. — Текст: электронный // Фонд общественного мнения: [сайт]. — URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/15023> (дата обращения: 02.05.2025).

О некоторых проблемах противодействия скулшутингу при проведении процедуры медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием

Осоруев Аюр Владиславович, студент магистратуры

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В статье автор исследует проблемы, связанные с прохождением медицинского освидетельствования при получении оружия, а также предлагает способы минимизации рисков получения оружия лицами, которые могут причинить вред себе и обществу.

Ключевые слова: массовые убийства, учебные заведения, огнестрельное оружие, медицинское освидетельствование.

Наиболее полное определение скулшутингу в своей работе дала Ю. В. Суходольская. Под ним автор понимает демонстративное нападение на учебное заведение с использованием оружия, целью которого является убийство двух и более лиц, совершенное либо одновременно, либо на протяжении небольшого промежутка времени, характеризующееся единым преступным намерением при отсутствии религиозных, террористических либо корыстных мотивов, а также с отсутствием персонализации жертв [1].

Акты скулшутинга, произошедшие на территории Российской Федерации в Керчи, Перми, Благовещенске, Казани, имеют одну общую для всех нападений характеристику. Огнестрельное оружие, используемое нападавшими, было получено стрелками в соответствии со всеми нормами, установленными в законодательстве. Согласно ст. 6.1 Федерального закона от 08.08.2024 № 150-ФЗ «Об оружии» медицинское освидетельствование является обязательным этапом для получения огнестрельного гражданского оружия [2]. В соответствии со ст. 5 Приказа Минздрава России от 26.11.2021 № 1104н «Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием, в том числе внеочередного, и порядка оформления медицинских заключений по его результатам» прохождение психиатрического освидетельствования является одним из видов медицинского осмотра в рамках получения разрешения на оружие. Целью медицинского осмотра, а именно психиатрического освидетельствования, является выявление психических отклонений, наличие которых является противопоказанием к владению оружием [3].

Как вышло, что неуравновешенные люди прошли все этапы получения оружия и не были при этом уличены в своих целях? Ответ на этот вопрос мы можем в какой-то мере найти в тексте, выложенном на своей странице в социальной сети Тимуром Б. перед нападением на Пермский университет. Согласно его записям, о нападении он задумался еще с середины 10-го класса, когда начал откладывать деньги на покупку огнестрельного оружия. Следует заметить, что при первичном посещении психиатра специалист, по словам нападавшего, заметил некие несоответствия в психологическом тесте, написанном Тимуром Б. в первый раз. Психиатр сообщил,

что ему следует пройти платного психолога, находящегося в этом же здании. После посещения платного психолога Тимур Б. узнал, что ему будет необходимо пройти тест на определение типа личности, но в силу того, что тест имел порядка 500 вопросов, психолог предложил пройти его на следующей неделе, так как рабочие часы не позволяли сделать это на том приеме. По прибытии домой нападавший заблаговременно нашел этот тест, изучил критерии оценивания, а также нашел правильные ответы, которые помогли получить справку. После повторного посещения тест, по словам нападавшего, был сдан без особых проблем и справка об отсутствии противопоказаний к владению оружием была выдана ему на руки [4].

Является ли приведенный случай просто исключением или это недоработка общей медицинской системы? Для этого следует детально рассмотреть, какими методиками пользуется персонал медицинских учреждений для выявления противопоказаний. На сегодняшний день информация по поводу рекомендованных методик патопсихологического (психодиагностического) исследования спокойно находится в Интернете. Данный этап при получении оружия состоит из выполнения заданий на уровень внимания, умственной работоспособности и памяти, а также прохождения специализированных тестов, имеющих два направления. Первым направлением является диагностика личностных особенностей и оценка уровня волевой регуляции. Его целью является определение уровня контроля над эмоциями, поведением и импульсами у тестируемого в различных ситуациях. Для проведения этого теста используют:

- индивидуально-типологический опросник (ИТО) на 91 вопрос (взрослый вариант), диагностику личностных особенностей;
- тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» (ВСК), 30 вопросов, диагностику меры овладения собственным поведением в различных ситуациях, способности сознательно управлять своими действиями.

Вторым являются меры, направленные на диагностику индивидуально-психологических характеристик, при которых используются такие методы, как:

- опросник ММРІ-мини (384 вопроса);
- опросник суицидального риска (29 вопросов);
- опросник агрессии.

Естественно, все ответы и критерии оценивания на данные психологические тесты уже находятся в свободном доступе в Интернете. Сами тесты не состоят из сложных, наводящих или двухуровневых вопросов. Будет удивительно, если стрелок, который тщательно готовит свое нападение и живет только этой целью, будет отвечать на вопросы в тесте, такие как «временами я желаю навредить кому-то», утвердительно и правдиво. Следующим этапом является личная беседа с психиатром, который задает наиболее общие вопросы для проверки логического мышления, адекватности и т. д.

В случае притворства или дачи социально желаемого ответа как в тесте, так и при личной беседе с психиатром данный этап получения оружия может быть пройден без особых усилий. Этап психологического освидетельствования заканчивается заключением специалиста, в котором проводится подробный анализ данных, полученных при использовании соответственного инструментария, в сочетании с данными клинической беседы и личного опыта психиатра.

Все вышеуказанные факты позволяют сделать вывод о том, что в законодательстве, регулирующем медицинскую диагностику граждан для получения разрешения на оружие, существуют серьезные недоработки.

Эксперты в области психиатрии также высказываются на счет несовершенства и пробелов в системе диагностики ментального здоровья. Так, по мнению кандидата психологических наук, доцента кафедры клинической психологии РНИМУ им. Н. И. Пирогова Т. Г. Горячевой, рас-

пространение информации по поводу использованных методик диагностики на наличие противопоказаний к владению оружием является не только не этичной, но и опасной тенденцией. Автор подчеркивает, что только в нашей стране есть свободный доступ к клинко-психологическим методикам и методикам, связанным с экспертизой. В отличие от России, в западных странах, где психологическое освидетельствование является обязательным этапом при получении оружия, доступ к использованию полного пакета методик возможен только после получения диплома специалиста или профессионального сертификата и свободная публикация материалов, связанных с получением государственных услуг в этой области, не допускается [5].

Для минимизации рисков получения оружия лицами, которые могут представлять угрозу для себя или общества, на наш взгляд, является если не полная, то хотя бы частичная рестандартизация психодиагностических методик, систематическая проверка их на надежность и валидность, а также заимствование западных методов диагностики, показывающих наиболее эффективные результаты, и их адаптация для применения в российском обществе. Наиболее важным являются законодательные ограничения в сфере обеспечения доступа к информации, которая должна быть доступна только узкой категории специалистов, которые, в свою очередь, уполномочены на проведение психиатрических экспертиз, а также недопущение ее публикации в открытом доступе.

Литература:

1. Суходольская, Ю. В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен / Ю. В. Суходольская // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2020. — № 3 (77). — С. 117–120. — EDN CPENAT.
2. Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 декабря 1996 г. № 51 ст. 5681.
3. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 26 ноября 2021 г. № 1104н «Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием, в том числе внеочередного, и порядка оформления медицинских заключений по его результатам, форм медицинского заключения об отсутствии медицинских противопоказаний к владению оружием и медицинского заключения об отсутствии в организме наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов». [Электронный ресурс]: справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402252/
4. Стрелявшему в Перми зачитают авторские права. «Манифестом» Тимура Бекмансурова занялись эксперты. — Текст: электронный // Коммерсантъ: [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5101223> (дата обращения: 13.05.2025).
5. Трагедия в Перми: проблемы психологической экспертизы для получения оружия. — Текст: электронный // Психологическая газета: [сайт]. — URL: <https://psy.su/pubs/9328/?ysclid=mamqw7o1ib982758908> (дата обращения: 13.05.2025).

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Правовые и тактические аспекты проведения очной ставки в отечественном уголовно-процессуальном праве

Сокольских Софья Романовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Корнев Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье автор рассматривает очную ставку как разновидность следственного действия. Анализируются статистические данные, правовое регулирование, а также основные тактические приемы его проведения. Затем автор рассматривает особенности проведения очной ставки с применением видеоконференцсвязи, изучает мнения исследователей по данному поводу, а также современные проблемы. В заключении автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования правовой и технической регламентации очной ставки.

Ключевые слова: очная ставка, следственные действия, уголовный процесс, УПК РФ, тактические приемы.

Одним из важных показателей государства, формирующего его рейтинг на мировой арене, является уровень преступности. Чем ниже уровень преступности и выше уровень безопасности, тем привлекательнее государство для отдыха, путешествий, инвестиций и т. д. Сегодня в России наблюдается поэтапное снижение уровня преступности. МВД России сообщает, что в 2024 году количество зарегистрированных в Российской Федерации преступлений уменьшилось на 1,8% [1]. Нисходящий тренд преступности обеспечивается в том числе обеспечением полного и качественного расследования преступлений.

Расследование преступлений всегда сопряжено с проведением комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Каждое из них требует строгого соблюдения правил их проведения, а также применения тактических приемов, обеспечивающих успешное его применение, а также достижение поставленных целей.

Одним из наиболее сложных для следователя следственных действий является проведение очной ставки. Сложность данного процесса обуславливается организацией тонкого психологического взаимодействия с допрашиваемыми лицами. От того, насколько правильно подобраны и применены тактические приемы, зависит успех очной ставки.

К сожалению уголовно-процессуальное законодательство не содержит в себе легального определения очной ставки, однако его предлагает юридическая теория. К примеру, В. М. Лебедев в своем учебнике пишет, что очная ставка — одновременный допрос в присутствии друг друга двух ранее допрошенных лиц, в показаниях которых имеются существенные противоречия [2, с. 501].

Порядок проведения очной ставки установлен ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ [3] (далее — УПК РФ). В статье указывается, что очная ставка может проводиться, если в показаниях допрошенных лиц имеются существенные противоречия. Общие правила проведения данного следственного действия регламентированы ст. 164 УПК РФ.

Традиционная очная ставка проходит следующим образом. В начале следственного действия следователь спрашивает у лиц, между которыми проводится очная ставка, знают ли они друг друга, а также в каких отношениях состоят. Затем допрашиваемым лицам по одному предлагается дать показания, по тем обстоятельствам, для установления которых проводится следственное действие. После дачи показаний, следователь может задавать вопросы каждому из допрашиваемых. С разрешения следователя, допрашиваемые могут задавать вопросы друг другу. В ходе следственного действия следователь вправе предъявлять вещественные доказательства и документы. Показания допрашиваемых вносятся в протокол очной ставки в той последовательности, в какой они давались.

Если свидетель явился на очную ставку с адвокатом, приглашенным им для оказания юридической помощи, то адвокат участвует в очной ставке и пользуется правами, предусмотренными ч. 2 ст. 53 УПК РФ.

Н. А. Андроник в своем исследовании отмечает, что тактико-криминалистические приемы при расследовании уголовных дел носят рекомендательный характер. Однако применение тактических приемов при проведении следственных действий, в частности при допросе и очной ставке, позволит избегать конфликтных ситуаций, а соответственно, повысить качество расследо-

вания и направить уголовное дело в суд в установленные процессуальные сроки [4, с. 96].

Рассуждая о тактических приемах, в первую очередь следует отметить два направления: в бесконфликтной и конфликтной ситуациях. Следовательно следует учитывать характер дела, а также процессуальное положение и взаимоотношения между допрашиваемыми лицами.

В бесконфликтной ситуации участники очной ставки устраняют несоответствия сообща, а следователь лишь координирует процесс. К примеру, участники могут задавать друг другу вопросы о фактах, переданных ранее с противоречиями.

Конфликтная ситуация наиболее распространена при очной ставке, поскольку следователь в основном стремится разоблачить какую-либо из сторон во лжи. В этом случае, в качестве приемов рекомендуются:

- детализация показаний. Правдивый участник очной ставки дает более полные показания, аргументируя их, при этом у второго участника возникают внутренние сомнения, и тот отказывается от лживых показаний
- использование показаний сознавшихся. Данный прием поможет в ситуации с преступной группой, когда «главари» уже дали развернутые показания. Это может побудить участников очной ставки последовать их примеру;
- комбинирование очной ставки с другими следственными действиями. К примеру, когда лицо в ходе допроса дает явно ложные показания, которые противоречат той информации, которая была получена следователем ранее, он прерывает допрос и проводит очную ставку с целью изобличить ложь, а затем продолжить ранее начатый допрос;
- проведение повторной очной ставки. Будет эффективна, когда добросовестный участник может сообщить о новых обстоятельствах, которые помогут устранить оставшиеся противоречия;

Кроме этого, для проведения допроса могут применяться некоторые тактические приемы проведения допроса.

Современный уровень цифровизации позволяет проводить очную ставку без необходимости физического присутствия двух допрашиваемых лиц в одном месте, с помощью видеоконференцсвязи. Такой способ позволяет провести следственное действие, в случае, если допрашиваемые лица находятся на значительном удалении друг от друга и организация их физического присутствия экономически нецелесообразно. Однако правоприменители и научное сообщество отнеслись к данному введению с определенным скепсисом. Ю. С. Тютерева в своем исследовании пишет, что в январе 2022 года (на момент вступления в силу ст. 189.1 УПК РФ) они все (следователи — прим. авт.) сообщили о неготовности к применению ВКС и поясняли, что действовать исходя из собственного усмотрения опасаются, поэтому ждут соответствующих инструкций [5, с. 22].

Несмотря на наличие положительных аспектов применения ВКС при проведении очной ставки, отрицательные аспекты также присутствуют. Возникают проблемы протоколирования такой очной ставки, не все структурные подразделения МВД России имеют достаточную техническую оснащенность, которая бы позволила провести ВКС. Наличие технической возможности еще дополнительно требует устойчивого защищенного и высокоскоростного Интернет-соединения. Попытка применять иное программное обеспечение для видеосвязи, может впоследствии стать основанием для признания очной ставки незаконной, а значит недопустимой в процессе доказывания.

Существующие тактические приемы проведения очной ставки, в случае применения ВКС, будут иметь слабый или почти нулевой психологический эффект.

Подводя итог исследования отметим, что очная ставка как следственное действие имеет важное значение на стадии предварительного расследования. МВД России стремится оптимизировать и модернизировать современные методы противодействия преступности, в том числе в правовой сфере, однако для достижения устойчивого положительного эффекта от нововведений необходимо продолжать процесс совершенствования.

Литература:

1. Состояние преступности. — URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 12.05.2025). — Режим доступа: Официальный сайт МВД России: [сайт].
2. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. — Москва: Юрайт, 2019. — 1016 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ; принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г.; одобрен Советом Федерации 05 декабря 2001 г. [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4921.
4. Андроник Н. А. Тактико-криминалистические приемы преодоления противодействия при допросе и очной ставке / Н. А. Андроник // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2021. — № 3. — С. 95–99.
5. Тетерева Ю. С. Способен ли дистанционный порядок производства по уголовному делу обеспечить процессуальные гарантии его участников? / Ю. С. Тютерева // Российский следователь. — 2022. — № 7. — С. 22–25.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Несоблюдение Казахстаном международных договоров с Российской Федерацией в части определения места оказания услуг: правовой анализ и последствия

Данкоглова Виктория Вадимовна (г. Москва)

*В данной статье рассматривается практика Республики Казахстан в части отклонения от положений международных договоров с Российской Федерацией, касающихся определения места оказания услуг. Анализируются соответствующие положения двусторонних соглашений, случаи расхождения в правоприменении, а также потенциальные правовые и экономические последствия подобной практики. Отмечено нарушение принципа *pacta sunt servanda* и его влияние на трансграничные налоговые и юридические отношения.*

Ключевые слова: международный договор, место оказания услуги, Казахстан, Россия, право применения, двусторонние соглашения, налоговое право, международное частное право, Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан.

Введение

Международные договоры между Республикой Казахстан и Российской Федерацией охватывают широкий спектр вопросов, включая правила трансграничного предоставления услуг. Одним из ключевых аспектов в этой области является определение места оказания услуги, что имеет критическое значение для целей налогообложения (включая таможенное налогообложение), юрисдикции и применения национального права. Однако в последние годы в правоприменительной практике Казахстана наблюдаются отклонения от согласованных договорных положений, что вызывает беспокойство как у российских субъектов хозяйствования, так и у международных наблюдателей.

1. Теоретические основы: международные договоры и принцип *pacta sunt servanda*

Согласно ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, «каждый действующий договор обязателен для его участников и должен добросовестно исполняться». Этот принцип лежит в основе международного правопорядка. Отклонение от договорных положений без надлежащих процедур — включая денонсацию или изменение договора — нарушает как международное право, так и двусторонние обязательства.

2. Договорная база между Казахстаном и Россией

Между Казахстаном и Российской Федерацией заключены как двусторонние договоры (например, Соглашение об избежании двойного налогообложения 1996 года), так и документы в рамках ЕАЭС, включая Таможенный кодекс и договор о ЕАЭС (2014). В них содержатся нормы, регламентирующие, в частности, место оказания услуг в трансграничных операциях, особенно в сфере ока-

зания транспортных услуг, ИТ, консалтинга и инжиниринга и др.

3. Практика Республики Казахстан: отклонения и примеры

На практике казахстанские органы, включая, но не ограничивая судебными органами, часто трактуют место оказания услуг не в соответствии с текстом соглашений, а исходя из национального законодательства или административных разъяснений.

Примеры включают:

Квалификацию транспортных услуг как оказанных на территории Казахстана несмотря на то, что их фактическое исполнение происходило на территории РФ;

Требования по регистрации в Казахстане поставщиков из РФ для целей НДС, несмотря на исключения, предусмотренные договором;

Признание услуг как оказанных на территории Казахстана при отсутствии фактической деятельности на её территории, что противоречит договорной дефиниции.

Практический пример некорректной классификации судами Казахстана принадлежности к месту рассмотрения судебного спора при трактовке пункта «рамочных» договоров, предоставленных Казахстанскими поставщиками услуг, как:

«Стороны примут все меры по урегулированию возникших разногласий путем проведения переговоров и деловой переписки на основе принципов взаимоуважения и признания прав другой стороны. Если согласие достигнуто не будет, споры между сторонами подлежат рассмотрению, по месту нахождения Истца».

При такой трактовке в возникшем споре нет исключительной и однозначной договорной компетенции.

В связи с чем, установить, судебную систему какого государства или конкретный судебный орган какого государства выбрали стороны для разрешения спора, употребляя слова по месту нахождения Истца, не представляется возможным, поскольку договорная подсудность между сторонами отсутствует.

Так, в силу ст. 468 ГПК РК компетенция иностранного суда может быть предусмотрена письменным соглашением сторон, кроме случаев, предусмотренных статьями 31 настоящего Кодекса. При наличии такого соглашения суд по ходатайству Ответчика оставляет заявление без рассмотрения, если такое ходатайство заявлено до начала рассмотрения дела по существу.

Кроме того, в указанной формулировке также отсутствует указание на применимое право. Следовательно, установить согласованную волю сторон на выбор конкретного судебного органа соответствующего государства, как компетентного органа разрешения спора из соглашения невозможно, стороны такой четкий и определенный выбор суда, рассматривающего спор, не сформулировали и для себя не установили.

В добавление, согласно правил п. 1–2 ст. 27 ГПК РК специализированные межрайонные экономические суды РК рассматривают гражданские дела по инвестиционным спорам с участием иностранного юридического лица (его филиала, представительства), осуществляющего предпринимательскую деятельность на территории Республики Казахстан. Тогда как Российские юридические лица предпринимательскую деятельность на территории Республики Казахстан не осуществляют.

При таких вышеуказанных обстоятельствах предполагается, что судам РК необходимо руководствоваться требованиями ст. 29 ГПК РК, и Истцу надлежит предъявить иск по месту нахождения Ответчика, т. е. в РФ.

Однако на практике, при такой неоднозначной трактовке «рамочных» договоров, судебные органы Казахстана все же рассматривают иски Истцов, резидентов Республики Казахстан, к Ответчикам, зарегистрированным и ведущим свою деятельность на территории Российской Федерации, не являющимися резидентами РК.

Кроме всего прочего, судами Казахстана не принимается во внимание даже, что в соответствии с ч. 2 ст. 29 ГПК РК, Иск к юридическому лицу предъявляется в суд по месту нахождения юридического лица согласно учредительным документам и (или) адресу, внесенному в Национальный реестр бизнес-идентификационных номеров. Иск к организации без образования юридического лица предъявляется по месту ее нахождения. (Т. е. на территории Российской Федерации, в случае обращения Истца, резидента РК, с исковыми требованиями к нерезиденту РК).

Вместе с тем отмечается, что Российская Федерация и Республика Казахстан являются участниками Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20.03.92 (Киевское соглашение). Соглашение не содержит положений, ограничивающих право арбитражного суда

Российской Федерации по рассмотрению таких споров, в который имеют право обратиться с исковыми требованиями Истцы из РК.

Так, согласно подпункту в) части 1 статьи 4 Соглашения от 20.03.1992 (о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности), пункту 3 части 1 статьи 247 АПК РФ арбитражные суды Российской Федерации обладают компетенцией на рассмотрение экономического спора с участием иностранного лица, если на территории Российской Федерации исполнено или должно быть полностью или частично исполнено обязательство из договора, являющегося предметом спора (спор возник из договора, по которому исполнение должно иметь место или имело место на территории Российской Федерации).

При этом согласно законодательству, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019 г.), в который входит как Российская Федерация, так и Республика Казахстан, услуга таможенного транзита (данный пример в рамках оказания транспортных услуг) считается оказанной только после доставки товаров в место доставки товаров, а исходя из условий прецедентных примеров соглашений, место доставки — Российская Федерация, что также свидетельствует о рассмотрении спора на территории России. Порядок таможенного транзита зафиксирован в Главе 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019 г.) — далее ТК ЕАЭС, ст. 151 ТК ЕАЭС.

В частности, п. 9 ст. 151 ТК ЕАЭС гласит «Завершение действия таможенной процедуры таможенного транзита оформляется с использованием информационной системы таможенного органа путем формирования электронного документа либо путем проставления соответствующих отметок на транзитной декларации или иных документах, используемых в качестве транзитной декларации».

Все вышеуказанное отражает также фактическое оказание услуги резидентами РК на территории РФ, соответственно судебные органы Казахстана не обладают должными законными основаниями рассматривать судебные иски поставщиков услуг, резидентов РК к нерезидентам РК на территории регистрации истца.

4. Последствия и правовая неопределенность

Такая практика создаёт следующие риски:

Нарушение принципа юридической определённости (рассмотрение судебных споров в судебных органах, не имеющих на это юридического законного основания);

Подрыв доверия к договорным механизмам в рамках ЕАЭС;

Двойное налогообложение российских компаний;

Потенциальные иски в международный арбитраж.

5. Пути разрешения: правовые и дипломатические инструменты

Для устранения правовой неопределённости и восстановления добросовестного соблюдения международных обязательств возможны следующие меры:

Инициирование консультаций между компетентными органами РФ и РК;

Подготовка и подписание дополнительных протоколов или разъяснений к действующим соглашениям;

Активация механизма урегулирования споров, предусмотренного в рамках двусторонних договоров;

Обращение в Суд ЕАЭС при наличии соответствующей юрисдикции.

Заключение

Несоблюдение Республикой Казахстан договорных обязательств в части определения места оказания услуг с Российской Федерацией представляет собой серьезную правовую проблему, подрывающую не только двусторонние отношения, но и интеграционные процессы на евразийском пространстве.

Необходим системный диалог и корректировка правоприменительной практики в соответствии с международными стандартами.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс РК;
2. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»;
3. Соглашение стран СНГ от 20.03.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности»
4. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза

Компетенции европейского омбудсмана и методы осуществления его деятельности

Самусик Александр Михайлович, аспирант

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Статья посвящена вопросам функционирования правозащитного института Европейского омбудсмана. В статье дается краткий обзор компетенций Европейского омбудсмана и методов осуществления его деятельности, анализируется практика Европейского омбудсмана и ее влияние на деятельность институтов и органов Европейского союза. Дается правовая характеристика вопросов, связанных с данной институциональной структурой в рамках Европейского союза.

Ключевые слова: европейский омбудсмен, бизнес-омбудсмен, Европейский союз, Европейский парламент, свобода предпринимательской деятельности.

Competences of the European Ombudsman and methods of implementing his activities

Samusik Alexander Mikhailovich, postgraduate student

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow)

The article is devoted to the issues of functioning rights institution European Ombudsman. The paper provides a brief overview of the competence of the European Ombudsman and ways of his activities, analyzes the practice of the European Ombudsman and its impact on the activities of European Union institutions and bodies. Legal characteristics are given, issues related to this institutional structure within the European Union are defined.

Keywords: European Ombudsman, business ombudsman, European Union, European Parliament, freedoms of entrepreneurship.

Институт омбудсмана является традиционным правозащитным институтом разрешения конфликтов и достижения согласия конфликтующих сторон, у которого есть своя история, проистекающая из правовых и политико-административных систем скандинавских стран.

Деятельность Европейского омбудсмана основывается на положениях Договора, учреждающего Европейское сообщество, в частности на положениях Маастрихского

договора 1992 года, официально именуемого «Договор о Европейском союзе».

Названный правозащитный институт Европейского сообщества был учрежден в период, когда политический порядок в Европе коренным образом изменялся, Маастрихтский договор консолидировал новый формат Европейского сообщества, которое вышло за рамки своих первоначальных экономических задач и стреми-

лось стать политическим и административным объединением. В этой связи создание правозащитного института Европейского омбудсмана следует рассматривать в качестве инструмента по содействию основным целям Маастрихтского договора, которые включают усиление демократической легитимности европейских институтов и повышение эффективности этих институтов. Это наднациональный институт в рамках Европейского сообщества, который содействует осуществлению и гарантированию прав и свобод как физических, так и юридических лиц.

Первым пунктом в уставе должности Европейского омбудсмана записано положение о его полной независимости от Еврокомиссии и всех остальных подразделений руководства Европейского сообщества. Таким образом, Европейский омбудсмен работает полностью независимо и беспристрастно. Он не имеет права просить или принимать указания или инструкции ни от каких правительств или организаций, кроме того, в течение всего срока полномочий Европейский омбудсмен не имеет права заниматься никакой другой профессиональной деятельностью, вне зависимости от того, оплачивается такая деятельность или нет.

Европейский омбудсмен является независимым посредником в конфликтах между исполнительными и законодательными ветвями власти в Европейском сообществе и гражданами или юридическими лицами Европейского сообщества.

Европейский омбудсмен принимает жалобы на действия институтов Европейского сообщества как от граждан Европейского сообщества, так и от бизнес-структур, зарегистрированных на территории стран членов Европейского сообщества. Он помогает вскрывать недостатки управления институтов Европейского сообщества, только органы судебной власти не входят в сферу его компетенции.

В ведении Европейского омбудсмана находятся все жалобы, касающиеся недостатков функционирования институтов или органов Европейского сообщества, это могут быть такие вопросы, как излишне длительные сроки рассмотрения вопросов, отсутствие гласности, отказ в предоставлении информации, трудовые отношения между институтами и их сотрудниками, проведение конкурсов, контрактные отношения между институтами Европейского сообщества и представителями бизнеса.

Большая часть жалоб юридических лиц, поступающих Европейскому омбудсмену, связана с нарушением законодательства об экономической конкуренции.

Подведомственность жалоб Европейскому омбудсмену определяется следующими критериями:

жалоба должна напрямую касаться действий или бездействий института или органа Европейского сообщества, как пример: Европейского Парламента, Европейской Комиссии, Экономического и Социального Комитета и т. п.;

жалоба должна содержать предмет (описание) нарушения прав заявителя и данные о личности заявителя;

жалоба Европейскому омбудсмену должна быть подана в течение 2 лет с момента совершения нарушения права или после того, как заявителю стало о нем известно;

подаче жалобы Европейскому омбудсмену в обязательном порядке должна предшествовать попытка решить проблему в институтах или органах Европейского сообщества, чьи действия или бездействия обжалуются заявителем;

жалобы не должны касаться фактов и обстоятельств, по которым уже были вынесены судебные решения или которые находятся в стадии судебного рассмотрения;

жалоба должна касаться административного функционирования институтов или органов Европейского сообщества (неравенство, дискриминация, злоупотребление служебным положением, административные нарушения, отсутствие или не предоставление информации, излишне длительные сроки принятия решений и т. п.).

Европейский омбудсмен не может принимать и рассматривать жалобы на органы и институты национального, регионального и местного уровней власти в государствах — членах Европейского сообщества и жалобы в отношении компаний или отдельных лиц.

Если обратиться к статистике 2013 года, поступившие Европейскому омбудсмену жалобы в 64% случаев были поданы против Европейской комиссии, в 7% случаев против Европейского бюро по отбору персонала, в 4% случаев против Европейского Парламента и касались проблем доступности информации, злоупотребления правами и полномочиями в части жалоб физических лиц, а в части жалоб юридических лиц чаще всего проблем экономической конкуренции на рынках Европейского союза.

В отличие от большинства национальных омбудсменов, Европейский омбудсмен обладает правом инициировать разбирательство или расследование по своей инициативе, в отсутствие поступившей ему жалобы на нарушение прав или законных интересов.

При рассмотрении жалоб Европейский омбудсмен имеет право затребовать необходимые документы и информацию от органов и институтов Европейского сообщества и допрашивать свидетелей. Если он устанавливает факты нарушений европейских законов, ошибок в процедурах и механизмах отдельных европейских инстанций, он ставит их об этом в известность. Крайнее средство в тех случаях, когда его указания игнорируют или не принимают адекватные меры — представление чрезвычайного отчета по делу Европейскому Парламенту. Права самостоятельно налагать какие-либо санкции на органы и институты Европейского сообщества у Европейского омбудсмана нет. Европейский омбудсмен имеет право давать рекомендации учреждениям и организациям Европейского сообщества и выносить спорные вопросы на обсуждение Европейского Парламента, чтобы Парламент мог, в случае необходимости и обоснованности спорного вопроса, применить меры воздействия на виновных лиц.

Как указано выше, Европейский омбудсмен не обладает властными полномочиями, то есть его решения

не носят обязательной силы. Методы и средства воздействия Европейского омбудсмана основываются на морали, авторитете и публичности. При установленных нарушениях прав человека или организации и нарушениях норм европейского права, самые часто используемые Европейским омбудсменом средства воздействия и реагирования — это рекомендации, публичное объявление имеющих место нарушений и посреднические действия между гражданами, организациями и институтами, с целью нахождения взаимоприемлемого решения.

Неимперативный характер полномочий Европейского омбудсмана, использование им в своей деятельности методов рекомендаций и убеждений обеспечивают позитивное восприятие этого правозащитного института органами и институтами Европейского сообщества.

Этот европейский правозащитный институт является воплощением системы сдержек и противовесов.

В целом результаты деятельности Европейского омбудсмана обобщаются в итоговом докладе, который ежегодно направляется на рассмотрение Европейского Парламента.

Европейский омбудсмен назначается Европейским Парламентом сроком на 5 лет (соответствует сроку деятельности Европейского Парламента) и отчитывается ежегодно Европейскому Парламенту. Деятельность Европейского омбудсмана прекращается либо по завершении срока его полномочий или же в результате отставки, добровольной или обязательной. Если должность Европейского омбудсмана освобождается раньше истечения срока его полномочий, его преемник назначается в течение трех месяцев на то время, что остается до новых выборов в Европейский Парламент и, следовательно, до назначения нового Европейского омбудсмана.

Широкое распространение получила практика назначения Европейским омбудсменом уважаемых в обществе

людей, с очень высокой степенью нравственности и честности. Действующий Европейский омбудсмен, Эмили О'Рейли из Ирландии, была омбудсменом в своей стране с 2003 по 2013 годы и известна своей работой по защите и развитию информационной свободы, а также по развитию института омбудсмана во многих странах мира, ее предшественники, Джейкоб Содерман из Финляндии и Никифорос Диамандурос из Греции также до назначения занимали должности омбудсмана в своих странах, а также были уважаемыми политиками (Джейкоб Содерман) и учеными (Никифорос Диамандурос).

Офис Европейского омбудсмана располагается в Страсбурге (Франция), аппарат Европейского омбудсмана не имеет региональных офисов.

В аппарате Европейского омбудсмана работают 84 сотрудника, что обусловлено большим количеством жалоб, с которыми приходится работать Европейскому омбудсмену, а также тем обстоятельством, что Европейский омбудсмен принимает жалобы на 23 языках стран участниц Маастрихтского договора.

Таким образом, Европейский омбудсмен объединяет в себе функции таких правозащитных институтов Российской Федерации, как Уполномоченный по правам человека и Уполномоченный по защите прав предпринимателей.

В заключение хотелось бы отметить, что деятельность Европейского омбудсмана вносит свой положительный вклад в функционирование Европейского сообщества, в частности в повышение прозрачности и эффективности деятельности институтов Европейского сообщества.

Институт Европейского омбудсмана, играет важную роль в процессе демократизации и защиты прав как граждан Европейского сообщества, так и бизнес-структур зарегистрированных на территории стран — членов Европейского сообщества.

Литература:

1. Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) Консолидированный текст // Официальная публикация произведена в «Официальном журнале Европейского Союза», серия «С» — «Информация и сообщения» // Электронный вариант: <https://base.garant.ru/2566557/> (дата обращения: 05.05.2025 г.).
2. Сунгуров А. Ю. Сравнительный анализ института омбудсмана. // Развитие института Уполномоченного по правам человека в российских регионах. Том 2. Региональный омбудсман / Под редакцией А. Ю. Сунгурова. Приложение к журналу «Северная Пальмира». — СПб., 2003. — 226 с., С. 146–169.
3. Бондарчук Р. Ч. Роль и место института омбудсмана в современном мире [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25041656> (дата обращения: 06.05.2025 г.).
4. Жерар Дельбофф. Уполномоченный по правам человека во Франции // Общая тетрадь. — 2001. — № 3 (18).
5. Бирюков М. М. Европейское право до и после Лиссабонского договора: Учебное пособие / М. М. Бирюков. — М.: Статут, 2013.
6. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: учебник для вузов / Рук. авт. колл. и отв. ред. д. ю. н., проф. Л. М. Энтин. — 2-е изд., пересмотр, и доп. — М.: Норма, 2007.
7. Европейский омбудсман // журнал о деятельности национальных учреждений по правам человека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://euro-ombudsman.org/ombudsmen_activities/europe (дата обращения: 01.05.2025 г.).

Statehood of sinking island states in international law: permanent or not?

Churakova Ekaterina Dmitrievna, PhD student

University of National and World Economy (Sofia, Bulgaria)

The article examines the legal status of island nations facing the threat of submersion due to rising sea levels, and their potential statehood in international law. It specifically analyses the future of Kiribati and Maldives, considering the impact of the Montevideo Convention on determining the statehood status of these nations. It also provides an idea of the consequences of disappearing states and their impact on the population.

Keywords: statehood, sinking islands, international law, state existence, migration, legal status, island nations, rising sea level, submersion, climate change.

In recent years, the issue of so-called «Sinking States» has become a pressing issue. These are states facing submersion due to climate change and rising sea levels, potentially leading to their complete disappearance. This raises the question: Is it possible to preserve statehood permanently, or can external events deprive them of this status?

The answer to this question requires us to analyse the situations of countries such as the Maldives and Kiribati, which are gradually sinking due to climate change. According to preliminary estimates, their territories will be completely submerged by 2100. [1]

This possibility prompts a critical examination of how the loss of physical territory might affect a state's continued existence. In particular, it calls into question the relationship between territorial integrity and legal statehood, as well as the adaptability of the traditional criteria defining a state.

The Montevideo Convention on the Rights and Duties of States lists the four necessary qualifications to become a recognized state: a) permanent population; b) defined territory; c) government; and d) capacity to enter into relations with others. If a state at some point does not meet these criteria, it is no longer considered a state under international law. [2]

Kiribati and the Maldives may no longer meet the criteria for statehood as defined by the Montevideo Convention due to the absence of a permanent population residing in their defined territory, which could result in the loss of their legal statehood.

This potential loss of statehood also raises complex questions about maritime entitlements, particularly given that island states' identities, territories, and resources are intrinsically linked to the surrounding sea. It is important to determine if these baselines could change enough to lose any maritime claims. To maintain current claims without concern for future access to ocean resources, many scientists suggest freezing current baselines under UNCLOS.

In addition to preventing future disputes, freezing maritime boundaries would preserve valuable economic zones left behind by disappearing states. These zones — such as the vast exclusive economic areas of Kiribati and the Maldives — offer both financial support and a strong rationale for continued governmental representation. Securing these maritime claims reinforces the legitimacy of such states as de-territorialized political entities.

However, the future does not appear promising for Kiribati and the Maldives. When applying the elements of statehood in

international law to the «post-climate» embodiment of these states, neither will be able to prove the existence of habitable territory or a permanent population.

Despite this, it seems likely that both states will continue to exist even after their territories are lost or become uninhabitable. Both Kiribati and the Maldives are developing plans for saving their populations, meaning their states will continue to exist to oversee the transition period. If both states relocate to the territory of other states in any situation other than outright termination or land purchase, there is a possibility that local legal sovereignty may arise, potentially surpassing the authority of the governments of displaced states.

The principle of state continuity in international law means that the international community will not attempt to externally abolish the governments of stateless people. [3] Moreover, the inherent drive for power within governments suggests that they will not willingly dissolve themselves.

Migration and displacement from low-lying islands have already begun due to climate change, further exacerbating the situation for island populations. Currently, the displacement occurs primarily within island states' borders. However, in a post-climate scenario, many of these former states will become completely uninhabitable. In this case, survivors will be forced to relocate to other countries, potentially facing the risk of statelessness. Individuals displaced by climate change do not have the same legal status as refugees under the current Convention Relating to the Status of Refugees. As a result, their rights may not be protected in the same way. The granting of durable legal status is entirely on the willingness of the host state.

The continuity of governments of displaced nations could provide stability and international governance for displaced populations. The concept of nationality under international law has evolved from being solely under a state's control to becoming a broader international norm. Modern interpretations suggest that nationality is not exclusively dependent on the physical existence of a traditional state. Therefore, by maintaining continuity, the governments of Kiribati and the Maldives can help preserve their citizens' right to nationality, even in the face of territorial loss.

Another reason for the governments of displaced nations to continue to exist is to manage the cultural and physical resources left behind by the endangered state. The governments can safeguard these resources for their people, regardless

of location. UN mechanisms like trusteeship can provide legitimacy and support cooperation on resettlement, heritage preservation, and resource management.

Building on this, the international community can explore four potential paths to assist small island residents and governments facing climate change and the threat of losing their statehood. The first two paths focus on addressing issues of legitimacy and sovereignty for the states themselves, while the remaining two tackle the emerging humanitarian and refugee challenges.

The four paths are as follows: (1) To sign a comprehensive international agreement on the status of states affected by climate change. (2) The mission of the UN Trusteeship Council should explicitly include states endangered by climate change. (3) Bilateral agreements between endangered states and safer nearby states should be supported. (4) The 1951 Convention Relating to the Status of Refugees should be amended to include people displaced by climate change under the definition of «refugee».

If the Trusteeship Council is unwilling to undertake transitional responsibility for small island states, endangered states have the option to negotiate bilateral agreements on the future of their communities. This process has already begun for many states threatened by climate change. Although bilateral agreements do not have the same precedential force as multilateral treaties, they provide a way for governments to ensure the safety and legality of their people's future. This option allows the host state to negotiate sovereignty and control issues with the de-territorialized nation's government. Despite the numerous concerns associated with relocating an entire nation, this solution is likely to provide the most effective and pragmatic outcome for both Kiribati and the Maldives.

If the multilateral community cannot provide a more comprehensive solution, it should consider amending the Convention Relating to the Status of Refugees to allow individuals displaced by climate change to obtain legal status

and refugee status in countries worldwide. This will enable the displaced population to legally reside in a host country.

The international community must reconsider not only the durability and sustainability of international environmental law but also the very framework of statehood under international law, especially after the waves have submerged the territories of Kiribati and the Maldives. Although these nations may cease to exist as traditional states, they will reemerge as *sui generis* de-territorialized entities, continuing to govern their peoples without the full sovereignty typically associated with statehood.

The need for a governmental structure to oversee the transition for the Maldivian and Kiribati nations is overwhelming. Yet, applying traditional principles of statehood may prevent their governments from retaining full sovereignty within the international legal system.

In this context, the UN trusteeship system could provide both structure and international legitimacy for Kiribati and the Maldives. Although the international system has recognized non-traditional sovereign actors — such as indigenous nations, the Holy See, or the Order of Malta — these cases differ significantly from the existential threat posed by climate-induced state extinction. The experience of the UN Interim Mission in Kosovo, demonstrates how international governance mechanisms can facilitate orderly transitions, maintain institutional continuity, and confer legitimacy during times of legal and territorial uncertainty.

To summarize, the international community must take action to prevent the catastrophic legal effects of climate change on small island states such as Kiribati and the Maldives. This can be achieved through the implementation of a new international convention or by recognizing trusteeship principles for post-climate states. If neither option is feasible, the international community should take steps to improve the conditions for climate change refugees from Kiribati and the Maldives.

References:

1. Climate change impacts on health and livelihoods: Maldives assessment. — IFRC, Climate Centre, 2021. — URL: https://www.climatecentre.org/wp-content/uploads/Climate-change-impacts-on-health-and-livelihoods-MALDIVES-assessment_April-2021_.pdf. — p. 8.
2. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States, Article 1. — Montevideo, 1933.
3. When the Levee Breaks: Climate Change, Rising Seas, and the Loss of Island Nation Statehood. — Denver Journal of International Law & Policy. — URL: <https://digitalcommons.du.edu/djilp/>
4. Charter of the United Nations, Chapter XII: International Trusteeship System. — San Francisco, 1945.

Analysis of international legal approaches to the disappearance of island state territories caused by climate change

Churakova Ekaterina Dmitrievna, PhD student

University of National and World Economy (Sofia, Bulgaria)

The article examines various methods and approaches related to preserving disappearing states due to climate change. It analyses how each approach aligns with international law and the potential consequences. It also considers how the selection of one of the methods might affect the further distribution of island states' water resources and the possibility of protecting their rights to these resources. Additionally, it explores the legal status of different types of artificial installations within island states.

Keywords: climate change, territory disappearance, international law, endangered states, artificial installations, engineering structures.

The most effective approach to addressing the various challenges faced by disappearing states — while respecting their aspiration to retain statehood and preserve national identity — is to reshape their territorial circumstances through the following strategies:

(1) The construction of dams and engineering structures capable of sustaining human habitation.

(2) The construction of artificial islands and other installations within the territorial water.

(3) Leasing territories to ensure the population's safety and cohesion, while maintaining national continuity.

The first method addresses two issues simultaneously: it helps keep the islands populated and prevents new issues from arising over maritime zones.

The second method can also address the same set of challenges. Furthermore, it allows the creation of new maritime zones without altering the position of existing maritime boundaries. In international law, this concept is often referred to as «freezing» of sea borders.

The third method involves leasing territories from other states. This strategy enables states to exercise control over territory without claiming full sovereignty. It enables the shared exercise of sovereign rights by multiple states over the same area, providing a flexible legal and political framework when competing state interests cannot be reconciled within existing territorial arrangements.

State practice and decisions by international and national courts show that raising the elevation of islands does not automatically grant them the legal status of artificial islands. This criterion applies only to naturally formed islands and excludes rocks or low-tide features that have never been classified as islands. [1]

The construction of dams and other engineering structures that support essential activities on islands offers a practical and legally regulated solution to the problem of disappearing states under current international law. This approach typically resolves key issues related to territorial relocation by preserving statehood, maintaining existing maritime boundaries, and retaining citizenship while preventing confusion regarding the international legal status of the population.

This method does not address the issue of international responsibility for territorial submersion due to climate change. However, it helps avoid instability in international relations by minimizing conflicts over shifting maritime boundaries and population migrations. The main disadvantage is its

high cost and reliance on international support, including funding.

For example, Tuvalu, a small Pacific Island nation with nine atolls and a land area of just 25 square kilometers, faces significant risks due to rising sea levels. Most of its territory lies less than one meter above the spring tide level, and by 2050, over half of the capital, Funafuti, could be flooded. [2]

To address this, a multi-million-dollar coastal adaptation project has been completed in Funafuti, including drainage systems to protect against heavy rainfall and the creation of a small harbor facility to ensure the continued accessibility of the Funafuti Lagoon for the local community. Further developments are planned, with long-term maintenance of the facility expected to last over 40 years.

International law places no restrictions on the construction of artificial structures within a state's territorial waters, which extend up to 12 nautical miles from the baseline. While the 1982 UN Convention on the Law of the Sea does not explicitly grant the right to build artificial islands, such construction is permissible as territorial waters fall entirely under the state's jurisdiction and sovereignty. These waters are considered an extension of the state's territory, providing the state with the right to regulate activities within them. According to international law, an artificial island must be firmly connected to the land to be considered part of the territory, rather than a floating structure. [3]

This legal flexibility has encouraged several states to explore practical solutions to rising sea levels. One notable example is the Maldives is at the forefront of preserving state territory through artificial structures. In 1997, they built the artificial island of Hulhumale, capable of housing 150,000 people, at a cost of \$ 63 million. With international support, similar projects could offer a viable solution for disappearing states. [4]

Considering the *opinio juris* of affected states and examples of artificial islands, it can be argued that these islands are recognized as state territory, potentially forming a customary international law. There is no need to amend the 1982 UN Convention on the Law of the Sea regarding statehood for endangered states, as it does not define statehood criteria or address the issue of submerged island territories.

International law does not prohibit the recognition of artificial islands within territorial waters. While artificial islands are permissible within territorial waters, they do not generate maritime zones of their own under international law

and cannot be used to extend a state's sovereign rights beyond existing baselines. Consequently, reconstructing existing natural islands through dams and embankments remains a more effective strategy for preserving maritime entitlements and addressing the broader challenges of territorial loss faced by disappearing states.

In addition to island reconstruction, endangered states may acquire or lease new territory. This can help maintain statehood and population viability in cases of total territorial submersion or to compensate for lost resources. The best solution for preserving statehood is to formalize agreements for the transfer of part of the state's territory, where the sovereignty over that territory is fully or partially transferred to another state. This ensures the disappearing state can preserve its territorial integrity and sovereign rights, even if its original territory is submerged, while safeguarding its population, resources, and international status.

Few states are willing to cede territory to «sinking states». Fiji has sold a small portion of its land to Kiribati and Tuvalu and is currently negotiating to sell most of its territory to Kiribati. According to some international legal experts, finding a state willing to relinquish land is difficult unless it is uninhabitable, ownerless, or lacking valuable natural resources.

Kiribati has purchased land, including the 5,500-acre Natoavatu Estate in Fiji, a rare freehold property. After spending time with the villagers there, it became clear that relocating even a small portion of Kiribati's population would be challenging. The village headman noted insufficient land for the community's needs and a threat to food security. Much of the estate consists of steep hills and mangrove swamps, unsuitable for settlement or farming. The main agricultural activity is cattle herding, with crops like kava, taro, and rice. Local fishing rights are reserved for indigenous Fijians, posing further challenges for I-Kiribati residents, whose diet relies heavily on fish. Relocating to this area would be difficult for people from sandy atolls with limited agricultural resources.

In 2001, Australia refused to address Tuvalu's territorial acquisition, while New Zealand chose to gradually host the population of disappearing states, setting a quota of 75 citizens from Tuvalu and Kiribati per year. These individuals must meet specific requirements, including being aged 18–45, having a work permit, and being proficient in English.

If citizens from disappearing states are resettled on land administered by another state, the original state retains sovereignty over any remaining land above sea level and continues to exercise its sovereign rights over the surrounding maritime zones. However, once the original territory is submerged, the affected state will lose its jurisdiction over the maritime areas that were previously measured from the original baselines, as these areas are no longer tied to the land. Therefore, sovereignty over the waters above the flooded territory will no longer be maintained.

To incentivize states to lease their territory, disappearing states may offer access to marine resources in exchange,

especially if their entire territory is submerged. In such cases, the disappearing states would retain sovereignty over their islands, territorial seas, and jurisdiction over the contiguous zone and exclusive economic zone, allowing for reciprocal benefits. Leasing territory can be an effective solution for acquiring land in the event of complete submersion, helping to preserve statehood, maintain sovereignty over maritime spaces, and clarify the status of the population.

An international lease of state territory involves one state granting another the use of part of its land for a specified period, purpose, and under agreed conditions. Typically, this includes providing land and real estate for the lessee's authorities and population, along with a special legal regime governing their status and activities.

Although the lessee exercises limited control, the lessor retains full sovereignty and may terminate the lease under international agreements. Thus, the tenant state's rights are not unlimited and stem from the lessor's legal order rather than from international law itself. If the leased area is uninhabited by the host population, territorial supremacy may be shared to a degree, but the vanishing state is unlikely to be permitted to exercise coercive jurisdiction.

Importantly, in international law, leasing is distinct from other forms of territorial acquisition, such as occupation, prescription, cession, accretion, or conquest.

Nevertheless, leasing remains a controversial method for preserving statehood in cases of complete territorial submersion. Similarly, building artificial islands within a state's territorial sea poses legal risks, as such constructions may not satisfy the conditions for effective statehood. According to the UNHCR, even if a state continues to be internationally recognized, the absence of key attributes — such as a defined territory or effective governance — could result in its population being considered *de facto* stateless.

At the same time, since international law lacks clear criteria for determining when a state ceases to exist, the disappearing state's assertion of continuity may carry considerable legal weight. In this context, leasing arrangements could help address the challenge of population distribution and, if structured to allow a certain degree of autonomy, may contribute to preserving cultural identity and national coherence.

While this method helps address issues of population vitality and resource recovery, it does not resolve fundamental concerns such as the loss of sovereignty, control over maritime spaces, and the risk of statelessness. Furthermore, international law does not offer protection to the tenant if the lease agreement is terminated. This method is more applicable in cases of partial submersion, where it can help maintain statehood and ensure the population's survival.

However, a lease agreement is unlikely to preserve statehood for completely submerged states, as it lacks the transfer of territorial supremacy. During leasing or resettlement, the disappearing state may be treated as a state-like entity, but this does not guarantee full sovereignty. Therefore, the most effective solution for preserving statehood in cases of total submersion is a cession agreement.

References:

1. The 1982 UN Convention on the Law of the Sea. Article 121 (3).
2. UNDP. Notes from Tuvalu: Leading the Way in Adapting to Sea-Level Rise. — July 19, 2023. URL: <https://www.undp.org/blog/notes-tuvalu-leading-way-adapting-sea-level-rise>.
3. The 1982 UN Convention on the Law of the Sea. Article 60.
4. Hulhumalé: Are Artificial Islands a Solution or Problem for Island Countries Grappling with Rising Seas? — URL: <https://www.startingwithus.org/the-rundown/hulhumale-artificial-islands>.

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 6 (48) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 18.06.2025. Дата выхода в свет: 21.06.2025.

Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Академика Кирпичникова, д. 25.